

MILHIST

INFO

История военного дела: исследования и источники
Специальный выпуск V

Стояние на реке Угре 1480-2015

ЧАСТЬ II

Санкт-Петербург
2016

Редакция журнала:
К.В. Нагорный
В.В. Пенской
А.Н. Лобин

Редакционная коллегия:
кандидат исторических наук О.В. Ковтунова
кандидат исторических наук А.Н. Лобин
кандидат исторических наук Д.Н. Меншиков
кандидат исторических наук Е.И. Юркевич
Ph.D. Eman M. Vovsi

История военного дела: исследования и источники. — 2016. — Специальный выпуск. V. Стояние на реке Угре 1480-2015 — Ч. II. [Электронный ресурс] <http://www.milhist.info/spec_5>

© www.milhist.info

© Пилипчук Я.В., Несин М.А.

ББК 63.3

УДК 94 (47).035=161.1(045)''65''(47)

Пилипчук Я.В., Несин М.А. Великое Княжество Литовское и татары в период правления Александра Казимировича (1492-1506 гг.)

В данной статье рассмотрены отношения Великого Княжества Литовского с Большой Ордой, Крымским и Казанским ханствами при правлении Александра Казимировича. Обороной границ Великого Княжества Литовского при Александре занимались магнаты и шляхта отдельных регионов. Они были способны одерживать локальные победы под Полонным (1497) и Давид-Городком (1503), однако неспособны противостоять большим вторжениям 1498, 1500 и 1505 гг. Большим успехом литовских войск была победа Михаила Глинского под Клецком в 1506 г. Попытки Александра Казимировича уладить конфликт с крымцами дипломатическими методами и уплатой большой дани не увенчались успехом. Поражение крымцев в битве под Клецком вынудило Менгли-Гирея искать дипломатические средства решения проблем с Великим Княжеством Литовским

Ключевые слова: XV в., XVI в., Александр Казимирович, Великое Княжество Литовское, Большая Орда, Крымское ханство, Казанское ханство, татары, Менгли-Гирей

Авторы: Пилипчук Ярослав Валентинович, младший научный сотрудник Отдела Евразийской степи Института востоковедения им. А.Ю. Крымского НАН Украины, кандидат исторических наук. pylypchuk.yaroslav@gmail.com

Несин Михаил Александрович. В 2009 г. закончил исторический факультет Санкт-Петербургского государственного университета по специальности историк. В настоящее время – аспирант Новгородского государственного университета им. Ярослава Мудрого. Научные интересы: история средневековой России до Московского периода, тактика русских войск, социальная история, историческая топография. petergof-history@yandex.ru

Литература, использованная в статье:

Pulaski K. Stosunki z Mengli-Girajem // Stusunki Polski s Tatarszczina od Polowi XV wieku. — Krakow-Warszawa, 1881.

Koneczny F. Sprawy z Mengli-Girejem 1473–1504 // Ateneum Wileńskie. R. 4. — Wilno, 1927.
Kolodziejczyk D. The Crimean khanate and Poland-Lithuania: international diplomacy on the European periphery (15th –18th century): a study of peace treaties followed by annotated documents. — Leiden-Boston, 2011. — Vol. XXXVI.

Podhorodecki L. Chanat Krymski i jego stosunkis Polska. — Warszawa, 1987.

Черкас Б. Україна у політичних відносинах Великого Князівства Литовського з Кримським ханатом (1515–1540 pp.). — Киев, 2006.

Хорошкевич А.Л. Русь и Крым от союза к противостоянию. Конец XV — начало XVI вв. — М., 2001.

Collins L. On the Alleged Destruction of Golden Horde in 1502 // Manzikart to Lepanto, Byzantine World and Turks, 1071–1571. — Amsterdam, 2001.

Варонін В.А. З гісторыі узаемаадносін Вялікага Княства Літоўскага з татарамі у канцы XV — першай трэці XVI стст. Хан Шыг-Ахмет // Studia Historica Europae Orientalis — Исследования

- по истории Восточной Европы. — Минск, 2011. — Вып. № 5.
- Трепавлов В.В. Большая Орда. — Тахт эли. Очерк истории. — Тула, 2010.
- Любая А.А. Институт закладников в дипломатических отношениях Великого Княжества Литовского и Крымского Ханства в конце XV — первой четверти XVI в. // Средневековые тюрко-татарские государства. — Казань, 2011. — Вып. 3.
- Зимин А.А. Россия на рубеже XV–XVI столетий. — М., 1982.
- Темушев В.Н. Первая московско-литовская приграничная война 1486–1494. — М., 2015.
- Памятники дипломатических сношений Московского государства с Крымскою и Нагайскою ордами и с Турцией. Т. 1 // Сборник императорского русского исторического общества (далее — Сборник ИРИО). — СПб., 1884.
- Пилипчук Я.В. Татарская политика Казимира IV, 1480–1492 // Золотоордынская Цивилизация. — Казань, 2015. — Вып. № 8.
- Горский А.А. Москва и Орда. — М., 2000.
- Fiodorvaite K. Tatar factor in Soyh-Western Rus in second half of 15th century according Lithuanian Metrica // Colloquia Rossica. — Krakow, 2013. — Series I. — Vol. № 3: Rus' during the Epoch of Mongol invasions.
- Scriptores Rerum Polonicarum. — Cracoviae, 1874.
- Kronika Polska Marcina Bielskiego. — Sanok, 1856. — Т. 2. — Ksiega IV–V.
- Kronika polska Marcina Kromera biskupa Warmińskiego. — Krakow, 1882. — Т. 2. — Ksieg XXX. — P. 1323.
- Стрийковський Мацей. Літописпольський, литовський, жмудський і всієї Руси. — Львів, 2011.
- Гваньїні Олександр. Хроніка Європейської Сарматії. — Киев, 2009.
- Акты, относящиеся к истории западной России. — СПб., 2012. — Т. 1. (6) Сборник документов канцелярии великого князя Александра Ягеллоничка (1494–1506). Шестая книга литовской метрики. — № 40.
- Гудавичюс Э. История Литвы. — М., 2005. — Т. 1.
- Почекаев Р.Ю. Цари ордынские. Биографии ханов и правителей Золотой Орды. — СПб., 2012.
- Софонович Ф. Хроніка з літописців стародавніх. — Киев, 1992.
- Borzemski A. Kronika Miechowity. Rozbior krytuczny. — Krakow, 1890.
- Monumenta Poloniae Historica. Pomniki dziejowe Polski wydal August Bielowski. — Lwow, 1878. — Т.3.
- Хроника Литовская и Жмойтская // ПСРЛ. — М., 1975. — Т. 32.
- Epure V.A. Quelques pages d'histoire troublee des XIV-eme et XV-eme siecles de l'Est de l'Europe // Codrul Cosminului. — Suceava, 2008. — № 14.
- Очерки внешнеполитической истории Молдавии. — Кишинев, 1987.
- Балух О. Польсько-молдавська війна 1497–1499 рр. // Наукові зошити історичного факультету: збірник наукових статей. — Львів, 2008. — Вип. № 9–10. — Ч. 1.
- Jusiak P. Najazdy tatarskie na ziemie chelmska i lubelska v XV I pierwszej npolowie XVI wiekuoraz ich skutki // Zamoysko-Wolynskie Zoszyty Muzealne. — Zamosc-Luck, 2008–2010. — Т. V.
- Тимів І.В. Хронологія перших татарських і турецьких набігів на землі Руського воєводства у XV ст. // Чорноморський літопис. — Одесса, 2013. — Вип. № 7.
- Гайворонский О. Повелители двух материков. — Киев-Бахчисарай, 2010. — Т. 1

Acta Alexandri Regis Poloniae, Magni Ducis Lithuaniae etc. (1501–1506) // Monumenta medii aevi historica res gestas Poloniae illustrantia. — Cracoviae, 1927. — Т. XIX.

Матвей Меховский. Трактат о двух Сарматиях // Матвей Меховский. Трактат о двух Сарматиях. Сокровенное Сказание монголов. — Рязань, 2009.

Зайцев И.В. Шейх-Ахмад — последний хан Золотой Орды (Орда, Крымское ханство, Османская империя и Польско-Литовское государство в начале XVI в.) // От Стамбула до Москвы. Сборник статей в честь 100-летия профессора А. Ф. Миллера. — М., 2003.

Негри А. Извлечение из турецкой рукописи Общества, содержащей историю крымских ханов // Записки Одесского Общества Истории и Древностей. — Одесса, 1844. — Т. 1.

Vasary I. The Crimean Khanate and the Golden Horde 1440s-1500s: a fight for primacy // The Crimean Khanate between East and West. — Wiesbaden, 2012.

Gonta A.I. Romanii si Hoarda de Aur. — Iasi, 2010.

Довнар-Запольский М. Литовские упоминки татарским ордам. Скарбовая книга метрики литовской 1502–1509. — Симферополь, 1898.

Моисеев М.В. Степные войны от Угры до ногайского погрома Крыма (1480–1522 гг.) [Электронный ресурс] // История военного дела: исследования и источники. — 2015. — Специальный выпуск V. Стояние на реке Угре 1480–2015. — Ч. I. — С. 151-186 <http://www.milhist.info/2015/11/23/moiseev_1> (23.11.2015).

Зайцев И.Л. Между Москвой и Стамбулом. Джучидские государства, Москва и Османская империя (нач. XV — пер. пол. XVI вв.). Очерки. — М., 2004.

Пенской В.В. [Поход Дмитрия Жилки и первая осада Смоленска русскими в 1502 году](#) // Война и оружие: Новые исследования и материалы. Вторая международная научно-практическая конференция 18–20 мая 2011 года. — СПб., 2011. — Ч. II.

Пенской В.В. Военный потенциал Крымского ханства в начале XVII в. // Восток. — 2010. — № 2.

Блез де Виженер. Описание Польского Королевства // Мемуары относящиеся к истории Южной Руси. — Киев, 1890. — Вып.1 (XVI в.).

Челеби Эвлия. Книга путешествия. — М., 1961. — Вып. № 1.

Вирський Д. Українські землі за описом Полонії Шимона Старовольського // Історично-географічні дослідження в Україні. — Киев, 2007. — Вип. № 10.

Вирський Д. Поділля в С. Сарницького Описі Давньої та Нової Польщі // Наукові записки. Збірник праць молодих вчених та аспірантів. — Киев, 2009. — Т. 17.

Вирський Д. Українське Подніпров'є в С. Сарницького Описі Давньої та Нової Польщі // Історично-географічні дослідження в Україні. — Киев, 2009. — Вип. 11.

Шершеневич И.Г. Описание Крыма (Tartariae Descriptio) Мартина Броневского // Записки Одесского Общества истории и древностей. — Одесса, 1867. — Т. 6.

Ссылка для размещения в Интернете:

<http://www.milhist.info/2016/04/21/pilipchuk-nesin>

Ссылка для печатных изданий:

Пилипчук Я.В., Несин М.А. Великое Княжество Литовское и татары в период правления Александра Казимировича (1492-1506 гг.) [Электронный ресурс] // История военного дела: исследования и источники. — 2016. — Специальный выпуск V. Стояние на реке Угре 1480-2015. — Ч. II. — С. 390-448 <<http://www.milhist.info/2016/04/21/pilipchuk-nesin>> (21.04.2016).

Pilipchuk J., Nesin M. The Grand Duchy of Lithuania against the Tartars under Alexander I Jagiellon's reign 1492-1506

The article examines the period of conflicts between the Grand Duchy of Lithuania and the Golden Horde, the Khanate of Crimea and Kazan during Alexander I Jagiellon's reign and notes that the defense of the Grand Duchy's borders were entrusted to the nobles of the local regions. As a result, the Schlachta had won several minor battles in 1497 and 1503 (e.g., at Davyd-Haradok), but overall did not manage to withstand the organized Tartars' invasions of 1498, 1500 and 1505. All attempts of Alexander I Jagiellon to start diplomatic negotiations and offer an agreed tribute to the Tartars had failed. However, the big success of the Grand Duchy was the victory at the Battle of Kletsk, 5 August 1506, where by Court Marshall of Lithuania Michael Glinski defeated the army of the Crimean Khanate. This victory had compelled Meñli I Giray to search for new diplomatic solutions and reconsider his policy toward the Grand Duchy of Lithuania

Keywords: XV, XVI, Alexander I Jagiellon; the Grand Duchy of Lithuania; the Golden Horde, the Khanate of Crimea and Kazan; Tartars; Meñli I Giray

Authors: Jaroslav B. Pilipchuk is a history professor who specializes on the Euro-Asian steppes; he is a fellow researcher of the Oriental Institute, The National Academy of Sciences of Ukraine. pylypchuk.yaroslav@gmail.com

Mikhail A. Nesin studied at the St.-Petersburg State University which he graduated in 2009. At the present moment Mr. Nesin is doing his master's degree at the Novgorod State University; he specializes on the "dark history" of the medieval Russia, social and military history and historical topography. petergof-history@yandex.ru

References:

Pulaski K. Stosunki z Mengli-Girajem // Stusunki Polski s Tatarszczina od Polovi XV wieku. — Krakow-Warszawa, 1881.

Koneczny F. Sprawy z Mengli-Girejem 1473–1504 // Ateneum Wileńskie. R. 4. — Wilno, 1927.

Kolodziejczyk D. The Crimean khanate and Poland-Lithuania: international diplomacy on the European periphery (15th –18th century): a study of peace treaties followed by annotated documents. — Leiden-Boston, 2011. — Vol. XXXVI.

Podhorodecki L. Chanat Krymski i jego stosunkis Polska. — Warszawa, 1987.

Cherkas B. Ukraïna u politichnih vidnosinah Velikogo Knjazivstva Litovs'kogo z Krims'kim hanatom (1515–1540 rr.) [[Ukraine political relations in the Grand Duchy of Lithuania with the Crimean khanate (1515–1540)]]]. — Kiev, 2006.

Horoshkevich A.L. Rus' i Krym ot sojuza k protivostojaniju. Konec XV — nachalo XVI vv. [Russia and the Crimea from the Union to confrontation. The end of XV — beginning of XVI centuries] — M., 2001.

Collins L. On the Alleged Destruction of Golden Horde in 1502 // Manzikart to Lepanto, Byzantine World and Turks, 1071–1571. — Amsterdam, 2001.

Varonin V. A. Z gistoryi uzaemaadnosin Vjalikogo Knjastva Litouskaga z tatarami u kancy XV — pershoj trjeci XVI stst. Han Shyg-Ahmet [From the history of relations Valkova Duchy of Lithuania with the Tatars in the end of XV — XVI centuries Han-Ahmet] // Studia Historica Europae Orientalis — Issledovanija po istorii Vostochnoj Evropy. — Minsk, 2011. — Vyp. № 5.

Trepavlov V.V. Bol'shaja Orda [Great Horde]. — Taht jeli. Ocherk istorii. — Tula, 2010.

Ljubaja A.A. Institut zakladnikov v diplomateskih otnoshenijah Velikogo Knjazhestva Litovskogo i Krymskogo Hanstva v konce XV — pervoj chetverti XVI v. [Institute of zakladnikov in the diplomatic relations of the Grand Duchy of Lithuania and the Crimean Khanate in the late

- XV — the first quarter of the XVI century] // *Srednevekovye tjurko-tatarskie gosudarstva*. — Kazan', 2011. — Vyp. 3.
- Zimin A.A. *Rossija na rubezhe XV–XVI stoletij* [Russia. XV–XVI centuries]. — M., 1982.
- Temushev V.N. *Pervaja moskovsko-litovskaja prigranichnaja vojna 1486–1494* [First Muscovite-Lithuanian border war 1486-1494]. — M., 2015.
- Pamjatniki diplomaticheskikh snoshenij Moskovskogo gosudarstva s Krymskoju i Nagajskoju ordami i s Turciej. T. 1 [The diplomatic relations of the Moscow state with the Crimean and Nagai hordes and Turkey. Vol. I] // *Sbornik imperatorskogo ruskogo istoricheskogo obshhestva* (dalee — *Sbornik IRIO*). — SPb., 1884.
- Pilipchuk Ja.V. *Tatarskaja politika Kazimira IV, 1480–1492* [Tatar policy of Casimir IV, 1480-1492] // *Zolotoordynskaja Civilizacija*. — Kazan', 2015. — Vyp. № 8.
- Gorskij A.A. *Moskva i Orda* [Moscow and the Horde]. — M., 2000.
- Fiodorvaite K. *Tatar factor in Soyh-Western Rus in second half of 15th century according Lithuanian Metrica* // *Colloquia Rossica*. — Krakow, 2013. — Series I. — Vol. № 3: Rus' during the Epoch of Mongol invasions.
- Scriptores Rerum Polonicarum*. — Cracoviae, 1874.
- Kronika Polska Marcina Bielskiego*. — Sanok, 1856. — T. 2. — Ksiega IV–V.
- Kronika polska Marcina Kromera biskupa Warminskiego*. — Krakow, 1882. — T. 2. — Ksiega XXX. — P. 1323.
- Strijkovs'kij Macej. *Litopol's'kij, litovs'kij, zhuds'kij i vsieĭ Rusi* [Lopicollo, Lithuanian, gadski and all Russia]. — L'viv, 2011.
- Gvan'ini Oleksandr. *Hronika Evropejs'koĭ Sarmatii* [Chronicle of The European Sarmatia]. — Kiev, 2009.
- Akty, odnosjashiesja k istorii zapadnoj Rossii* [Acts relating to the history of Western Russia]. — SPb., 2012. — T. 1. (6) *Sbornik dokumentov kanceljarii velikogo knjazja Aleksandra Jagellonichka (1494–1506). Shestaja kniga litovskoj metriki*. — № 40.
- Gudavichjus Je. *Istorija Litvy* [History of Lithuania]. — M., 2005. — T. 1.
- Pochekaev R. Ju. *Cari ordynskie. Biografii hanov i pravitelej Zolotoj Ordy* [Kings of the Horde. Biography khans and rulers of the Golden Horde]. — SPb., 2012.
- Sofonovich F. *Hronika z litopisciv starodavnih* [Chronicle of ancient chroniclers]. — Kiev, 1992.
- Borzemski A. *Kronika Miechowity. Rozbior kryuczny*. — Krakow, 1890.
- Monumenta Poloniae Historica. Pomniki dziejowe Polski* vydal August Bielowski. — Lwow, 1878. — T.3.
- Hronika Litovskaja i Zhmojtskaja* [Chronicle of the Lithuanian and Imotska] // *PSRL*. — M., 1975. — T. 32.
- Epure V.A. *Quelques pages d'histoire troublee des XIV-eme et XV-eme siecles de l'Est de l'Europe* // *Codrul Cosminului*. — Suceava, 2008. — № 14.
- Ocherki vneshnepoliticheskoi istorii Moldavii* [Essays on the history of foreign policy of Moldova]. — Kishinev, 1987.
- Baluh O. *Pol'sko-moldavs'ka vijna 1497–1499 rr.* [Polish-Moldavian war 1497-1499] // *Naukovi zoshiti istorichnogo fakul'tetu: zbirnik naukovih statej*. — L'viv, 2008. — Vip. № 9–10. — Ch. 1.
- Jusiak P. *Najazdy tatarskie na ziemie chelmska i lubelska v XV I pierwszej npolowie XVI wieku oraz ich skutki* // *Zamoysko-Wolynskie Zoszyty Muzealne*. — Zamosc-Luck, 2008–2010. — T. V.
- Timiv I.V. *Hronologija pershih tatars'kih i turec'kih nabigiv na zemli Rus'kogo voevodstva u XV st.* [The chronology of the first Tatar and Turkish raids on the lands of the Ruthenian Voivodeship in

the XV] // Chornomors'kij litopis. — Odessa, 2013. — Vip. № 7.

Gajvoronskij O. Poveliteli dvuh materikov [The lords of the two continents]. — Kiev-Bahchisaraj, 2010. — T. 1

Acta Alexandri Regis Poloniae, Magni Ducis Lithuaniae etc. (1501–1506) // Monumenta medii aevi historica res gestas Poloniae illustrantia. — Cracoviae, 1927. — T. XIX.

Matvej Mehovskij. Traktat o dvuh Sarmatijah [The treatise on the two Sarmatia] // Matvej Mehovskij. Traktat o dvuh Sarmatijah. Sokrovennoe Skazanie mongolov. — Rjazan', 2009.

Zajcev I.V. Shejh-Ahmad — poslednij han Zolotoj Ordy (Orda, Krymskoe hanstvo, Osmanskaja imperija i Pol'sko-Litovskoe gosudarstvo v nachale XVI v.) [Sheikh-Ahmad — the last Khan of the Golden Horde] // Ot Stambula do Moskvy. Sbornik statej v chest' 100-letija professora A. F. Millera. — M., 2003.

Vasary I. The Crimean Khanate and the Golden Horde 1440s- 1500s: a fight for primacy // The Crimean Khanate between East and West. — Wiesbaden, 2012.

Gonta A.I. Romanii si Hoarda de Aur. — Iasi, 2010.

Dovnar-Zapol'skij M. Litovskie upominki tatars'kim ordam. Skarbovaja kniga metriki litovskoj 1502–1509. [Lithuanian mention of Tatar hordes] — Simferopol', 1898.

Moiseev M. “Steppe Wars: form The Great Standoff on the Ugra River to destruction of the Crimea by the Nogai Horde, 1480-1522.” [Electronic issue] // History of military arts: researches and sources. — 2015. — Special edition V. Great stand on the Ugra river — Vol. I. — P. 151-186 <http://www.milhist.info/2015/11/23/moiseev_1> (23.11.2015).

Zajcev I.L. Mezhdu Moskvoy i Stambulom. Dzhuchidskie gosudarstva, Moskva i Osmanskaja imperija (nach. XV — per. pol. XVI vv.). Oчерki. [Between Moscow and Istanbul] — M., 2004.

Penskoj V.V. [Pohod Dmitrija Zhilki i pervaja osada Smolenska russkimi v 1502 godu](#) [March Dmitry Zhilki and the first siege of Smolensk by the Russians in 1502] // Vojna i oruzhie: Novye issledovanija i materialy. Vtoraja mezhdunarodnaja nauchno-prakticheskaja konferencija 18–20 maja 2011 goda. — SPb., 2011. — Ch. II.

Penskoj V.V. Voennyj potencial Krymskogo hanstva v nachale XVII v. [The military potential of the Crimean khanate at the beginning of the XVII century] // Vostok. — 2010. — № 2.

Blez de Vizhener. Opisanie Pol'skogo Korolevstva [Description of the Polish Kingdom] // Memuary otnosjashhiesja k istorii Juzhnoj Rusi. — Kiev, 1890. — Vyp.1 (XVI v.).

Chelebi Jevlija. Kniga puteshestvija [Travel book]. — M., 1961. — Vyp. № 1.

Virskij D. Ukraïns'ki zemli za opisom Polonii Shimona Starovol's'kogo [Ukrainian lands for a description of Polonia Shimon Starovolskoe] // Istorichno-geografichni doslidzhennja v Ukraïni. — Kiev, 2007. — Vip. № 10.

Internet link:

<http://www.milhist.info/2016/04/21/pilipchyk-nesin>

Reference:

Pilipchyk J., Nesin M. The Grand Duchy of Lithuania against the Tartars under Alexander I Jagiellon's reign 1492-1506 [Electronic issue] // History of military arts: researches and sources. — 2016. — Special edition V. Great stand on the Ugra river — Vol. II. — P. 390-448 <<http://www.milhist.info/2016/04/21/pilipchyk-nesin>> (21.04.2016).

Я.В. Пилипчук, М.А. Несин

ВЕЛИКОЕ
КНЯЖЕСТВО
ЛИТОВСКОЕ
И
ТАТАРЫ

В ПЕРИОД ПРАВЛЕНИЯ
АЛЕКСАНДРА КАЗИМИРОВИЧА
(1492–1506 гг.)

Одним из интереснейших аспектов, касающихся истории Восточной Европы, является история войн Великого княжества Литовского и Королевства Польского с татарами Большой Орды и Крымского ханства. Проблему отношений Великого Княжества Литовского с крымскими татарами исследовали К. Пулаский, Ф. Конечный, Д. Колодзейчик и Л. Подгородецкий¹. Из украинских ученых этот вопрос изучался Б.В. Черкасом, среди русских ученых его специально исследовал А.А. Хорошкевич. Среди работ англоязычных ученых необходимо выделить статью Л. Коллинза, которая позволяет оценить события 1502 г. с позиции татар. Отношения Великого княжества Литовского с Большой Ордой изучали белорусские исследователи А.А. Любая и В.А. Воронин. Кроме того, часть книги русского востоковеда В.В. Трепавлова, посвященная истории Большой Орды, содержит и сведения об отношениях Большой Орды с Великим Княжеством Литовским². Целью данного исследования является анализ внешней политики татарских ханств в отношении Литвы и Польши.

Вокняжение Александра в 1492 г., московско-литовская война, Большая Орда, переговоры московского и литовского князей с Менгли-Гиреем

7 июня 1492 г. в Гродно на 65-м году жизни скончался великий князь литовский Казимир IV. 5 августа 1492 г. в Вильно состоялась интронизация его сына Александра. Это было беспокойное время для Великого княжества Литовского. С конца 1480-х гг. оно находилось в постоянной конфронтации с Московским государством из-за спорных приграничных земель, прежде всего — Верховских княжеств (что находились в верховьях Оки). В свое время эти маленькие древнерусские государственные образования отошли Литве, а теперь великий князь московский Иван III, известный стремлением собрать воедино русские земли, стремился присоединить их к Московскому княжеству.

Этот конфликт известен также как «Странная война»³. Такое название предложил советский историк А. А. Зимин, имея в виду то, что формально войны никто не объявлял, тем не менее, между двумя государствами шла ожесточенная борьба за северо-восточные литовские порубежные земли, сопровождаемая как военными походами, так и переговорами. Обычно ее началом считается 1486 или 1487 г.⁴ И это в определенном смысле верно, так как именно с 1487 г. москвичи откровенно взялись за подчинение Верховских княжеств. Другое дело, что фактически обе восточноевропейские державы находились в непрерывном размирье еще с рубежа 1470–1480 гг., со времен стояния на Угре. Кстати говоря, с этого времени московский князь находился в прочном союзе с крымским ханом Менгли-Гиреем. Не исключено, что в 1480 году он напал на Подолье по обоюдному сговору с Иваном III, дабы отвлечь литовцев и не дать им поспеть на Угру на помощь большеордынским татарам. Вскоре, сообщая о гибели Ахмата в письме к Менгли-Гирею, московский князь благодарил крымского хана за союзническую верность. В этом письме достаточно определенно звучит тема недружественных отношений Москвы и Литвы, в которых крымскому правителю также следует встать на сторону московского князя⁵. В 1482 г. Менгли-Гирей с подачи своего московского союзника разорил Киев и некоторые другие земли, за что был вновь удостоен благодарности⁶. Материалы дипломатической переписки очень

хорошо подтверждают известия русских летописей о том, что крымцы предприняли поход на Киев по предложению Ивана III⁷.

Неудивительно, что и в 1490–1500-х гг., воюя с Литвой, Иван III нередко пользовался поддержкой крымцев, сам исправно присылая крымскому хану дары — «*поминки*», которых, как видно из их дипломатической переписки, тот часто требовал.

Что касается Большой Орды, то после стояния на Угре ни Ахмат, ни его дети не могли больше требовать от Москвы регулярной выплаты дани и подчинения. Занять позицию лидера в степях среди прочих осколков Золотой Орды они тоже не могли, хотя в течение долгих лет ордынские рати вызывали немалое беспокойство и у Москвы, и у Литвы, а также и у соседних татарских ханств. Прежний союз Большой Орды с Литвой после Угры был фактически расторгнут, так как осенью 1480 г. Казимир, защищая Подолье от вторжения крымцев, так и не привел на помощь ордынскому хану свои войска, и Ахмат, уходя с Угры, в отместку за «*измену*» страшно разорил тогда еще принадлежавшие Литве Верховские земли, уведя в полон многих городских и сельских жителей.

С другой стороны, победа на Угре продемонстрировала как крепость московского войска, так и достоинство российской дипломатии. И с этих пор Москва стала не просто оборонять свои западные рубежи, но также дала понять Литве, что является сильным соперником в условиях установившейся между государствами постоянной конфронтации. А с 1487 г. Москва стала активно бороться за покорение спорных Верховских земель (поводом к чему стал переход на московскую службу вместе со своими землями приграничных верховских князей И. В. Перемышльского (Воротынского) и И. В. Белевского, которые издавна фактически несли службу обоим государям, но теперь по финансовым и иным соображениям окончательно выбрали московское подданство, после чего в тот же год москвичи пожелали аннексировать и иные «украинные» земли). Население Верховских земель неоднозначно относилось к московской экспансии. Если некоторые князья были не против перейти на московскую службу, то из других украинских областей — наоборот; более того, в 1491–1492 гг. из последних областей набирались отряды, ходившие в грабительские походы на приграничные области Московского княжества.

С 1492 г. начался новый этап «Странной» московско-литовской войны⁸. В мае московские послы стали требовать присоединения к Московскому княжеству Хлепени и других украинских земель, грозя «нежитьем» — войной. В августе 1492 г., как раз когда трон в Вильно занял Александр Казимирович, в Верховские земли вторглись московские рати.

Еще в марте Иван III послал письмо своему старому союзнику Менгли-Гирею с призывом идти воевать против Литвы с московскими войсками «...как один человек». Но 27 июня в Москву прибыл ответ от крымского хана, что тот сейчас строит город на Днепре, откуда намерен выступать на Киев. Поход он планирует на осень, а на постройку оной крепости одолжил в Кафе 100000 «денег» и просит Ивана III «избавить» его от этого долга, то есть расплатиться за него⁹.

В том же июне месяце рать «ордынских казаков» совершила набег на окрестности московского приграничного города Алексин, расположенного за Окой, фактически в Диком поле¹⁰. По мнению А. А. Горского, это те же ордынские татары, не подчинявшиеся ханам и кочевавшие сами по себе¹¹. Не исключено, впрочем, что их этнический состав не был тюркским, а были это полиэтничные или в основном русские свободные люди, не подчинявшиеся никакому государству и не относящиеся ни к какому сословию, проживавшие на землях Большой Орды и объединенные в особые военные формирования (хотя для жителей Московского государства они как жители ордынских степей могли представлять собой и некоторый особый род ордынцев). Их, вероятно, следует связывать с донскими или азовскими казаками, упомянутыми в актах начала 1500-х гг. Но так или иначе, а они действовали самостоятельно, не подчиняясь ордынским властям. Предположительно, летом того же 1492 г., несколько позднее набегов ордынских казаков, из Большой Орды в Москву пришло посольство с целью заключения мира. Послы предлагали Ивану III, чтобы тот вступил в союз с Большой Ордой, как это было с Крымским ханством. Но Иван III не дал положительного ответа. Эти «ордынские» послы упомянуты в памятной грамоте Ивана III, отправленной 30 августа в Крым вместе с послом Заболотским. Кроме того, в ней также сообщается, что московский князь мотивировал свой отказ тем, что Орда находится в недружественных отношениях с Крымом¹². Это предопределило дальнейший внешнеполитический

курс большеордынских правителей, которые снова стали искать союзнических отношений с Литвой. Московский князь, будучи весьма прагматичным политиком, очевидно, хорошо понимал, что не сможет быть одновременно в союзе и с ордынскими Ахматовичами, и с крымским ханом, и выбрал последнего.

Походы крымцев в 1493–1497 гг.

Между тем, вокняжившись в Вильно, Александр Казимирович сразу начал существенно изменять систему международных отношений, сложившуюся при его отце. После его прихода к власти персональная уния с Польшей была временно расторгнута. Брат Александра Ян Ольбрахт стал правителем Польского Королевства. Александр занял трон Польши лишь через девять лет, в октябре 1501 г.

Сразу же после вступления на престол Александр решил наладить отношения с крымским ханом, который уже на протяжении 12 лет состоял в прочном союзе с Москвой. В 1492 г. Александр отправил в Крым миссию Ивана Глинского, через которого напомнил Менгли-Гирею, что Хаджи-Гирей служил Казимиру и получал от него субсидии. Также он упоминал, что его брат Айдер некоторое время находился в Литве. В другом письме он требовал снесения крепости Очаков, поскольку, по его мнению, эта твердыня стояла на литовской земле. Он также призывал Менгли-Гирея отказаться от союза с Москвой, а взамен обещал 13,5 тыс. золотых дукатов. В заложники в Литву он требовал Довлетека сына Эминека из клана Ширинов.

Заметим, что на протяжении всего своего правления Александр будет достаточно настойчиво пытаться вступить в союз с крымским ханом, несмотря на частые разорительные крымские набеги на Литву. И надо сказать, это, как показала история, оказалось не совсем бесперспективным: ему удалось подготовить почву для установления союзнических отношений между Менгли-Гиреем и своим братом Сигизмундом. Вероятно, Александр полагал, что теперь, когда Большая Орда оказалась неспособна стать лидером среди других осколков Золотой Орды, Крым удастся переманить на сторону Литвы. Московско-крымский союз держался на частых щедрых «поминках» со стороны Москвы и обоюдном недружественном отношении к Большой Орде и Литве. Видимо, поэтому, предлагая хану союз, Александр с самого

начала в своих письмах обещал подарки. Но Менгли-Гирей до второй половины 1500-х гг. по-прежнему придерживался ориентации на Москву. В послании в Крым от 30 августа 1492 г. Иван III сообщал о смерти Казимира IV и, как и в вышеупомянутом мартовском послании, призывал крымцев скорее пойти войной против нового литовского короля, обещая также воевать против Литвы. При этом, как и Александр Казимирович, Иван III просил хана отказаться от строительства укреплений в устье Днепра, но исходя из других соображений: чтобы Менгли-Гирей не терял времени на их строительство, а срочно собрался в поход на Литву¹³. Однако хан отказался от этого настойчивого предложения. 27 октября в Москву пришел его ответ Ивану III, где говорилось, что, когда он доделает крепость, тогда и пойдет в поход. В письме также сообщалось о прибытии литовского посла, который требовал снести укрепления (так как они будто бы стояли на литовской территории), обещая компенсировать все убытки¹⁴.

6 января 1493 г. в Москву прибыла грамота от Константина Заболоцкого, сообщающая, что на Михайлов день (8 ноября) 1492 г. по инициативе его и иных московских послов хан задержал литовского посла в Крыму и стал собираться в поход. Менгли-Гирей требовал от литовского посла Ивана Глинского, чтобы татарам были возмещены убытки от нападения казаков из киевлян и черкасцев в 1492 г., которые ограбили крымский корабль под городом Тягиня. Александр в ответ пообещал наказать разбойников, но на деле не стал принимать никаких мер. Не получив удовлетворительного ответа на свое требование, Менгли-Гирей задержал Ивана Глинского на некоторое время в Крыму. Одновременно с этой грамотой Ивану III пришло письмо от самого Менгли-Гирея, где он сообщал о том, что «...сел на коня» и на исходе ноября намерен вместе с князем воевать в Литве¹⁵. Таким образом, поход крымцев на Литву 1493 г. состоялся по инициативе великого московского князя Ивана III с запланированными совместными военными действиями в рамках борьбы за присоединение к Московскому княжеству Верховских и Вяземских украинских земель.

Александр Казимирович в письме Менгли-Гирею указывал, что татары грабят пограничные земли. Старосты Винницы, Канева, Киева, Брацлава, Чернигова жаловались на татар, и эти сведения об этих жалобах дошли до крымского хана. Менгли-Гирей же оставался верным

союзу с Москвой и планировал воевать с Литвой. Однако осенью 1492 г. крымские войска так, по-видимому, и не дошли до литовских пределов (хотя хан писал, что в 1492–1493 гг. трижды садился «на коня»). В грамоте 1493 г. от крымского посла Заболоцкого, адресованной Ивану III, сообщается, что хан отпустил посла Глинского на Николин день (6 декабря 1492 г.), и далее, что перед Мясным заговением (февраль 1493 г.) хан пошел в поход на Киев¹⁶. Летом того же года в письме к Ивану III хан уверял, что «...перед зимой» (осенью 1492 г.) он посылал рать на Литву, упоминая, впрочем, что «...как сами есмя почали на конь садитися, зима люта была, а кони ратные истомы»¹⁷. Из этого следует, что осенний поход по факту так и не состоялся. На самом деле крымские войска стали разорять Великое княжество Литовское уже поздней зимой-весной 1493 г., когда крымцы пошли на Киев. Летом 1493 г. Иван III совершенно справедливо отмечал, что «...пишет ко мне царь, что беспрестани его люди Литовскую землю воюют, а мы здесь слышали, что малые дюдю приходиди сее зимы на Литовскую землю, а не имали ничего»¹⁸. В дальнейшем, в конце 1493 г., Менгли-Гирей сам вспоминал, что «...до зимы [1493 г.] триждыкрат на конь садился: впервые пошел, ино лед розполился, а вдругорядь розболеу воротился, а втретье и сем ездом пришол с пушками и с пищальми на Черкасской городок пришли»¹⁹. Не вполне ясно, что это за поход был «вдругорядь», когда хан не смог пойти из-за болезни. Может быть, тот несостоявшийся первый, осенний поход на Литву 1492 г.? А может быть, какой-то неизвестный из других источников набег, планировавшийся между неудавшимся из-за половодья зимне-весенним походом на Киев и осенним походом на Черкасы? В таком случае тот набег 1492 г. хан теперь, год спустя, даже не сосчитал. Но, так или иначе, очевидно, что сам хан считал его несостоявшимся.

В 1493 г. крымцы не дошли до Киева, но опустошили окраины Черкасс и Канева. Очевидно, крымцы двигались не спеша, разоряя все на своем пути. Выступив в феврале, к Киеву они подошли лишь к весеннему разливу. Летом 1493 г. хан сообщает, что не рискнул переправляться через Днепр: «Через реку нельзя была перелезти, а недругу сильные недружбы нелзе было довести, того дея еси не пошол»²⁰. В этот поход выступило всего 500 человек крымцев с сыном Менгли-Гирея²¹. Очевидно, хан рассчитывал на безопасный грабительский поход, а не на серьезные

столкновения с литовцами. Это вызвало у Ивана III большую досаду: «*Ныне сына послал, а с ним 500 человек: ино пятью сот человека какая война Литовской земле?*» Иван III, как видно, всерьез рассчитывал, что крымцы внесут значительный вклад в «Странную войну» москвичей с литовцами за Верховские земли и Вязьму и нанесут серьезный ущерб противнику. А те продемонстрировали откровенное пренебрежение к московским планам и пришли с малыми силами с целью личного обогащения от грабежей, а не для того, чтобы оказать какую-либо существенную помощь москвичам в разгроме литовских военных сил.

В марте 1492 г. Александр Казимирович безуспешно пытался уговорить своего брата польского короля Яна Ольбрахта послать ему в помощь против москвичей хотя бы 300 наемников. Тот потребовал взамен восстановления «...*записи об унии*» с Литвой. Теперь это грозило Александру лишением власти, и он, конечно, не пошел на уступки.

Переговоры с Орденом и Большой Ордой также ни к чему не привели: те тоже не прислали войска. В том же году казачий отряд под предводительством черкасского старосты Богдана Глинского захватил и разорил крымский город Очаков у устья Днепра. Осенью 1493 г. состоялся поход крымцев на Канев и Черкассы. Татары сожгли Черкассы, вероятно, в качестве расплаты за Очаков. По донесению Заболоцкого, крымские войска пересекли Днепр и на «Воздвижен» день (14 сентября) по направлению к Киеву. 16 сентября хан писал, что послал на Черкассы войска с пушками и пищалями, что они сожгли этот городок и иные грады Литовские (между прочим, это является самым ранним свидетельством использования крымцами огнестрельного оружия в военных походах и за пределами Крымского ханства). В октябре вместе с этой грамотой послы привезли в Москву Ивану III также «*поклон*» от брата Менгли-Гирея, Ямгурчя, где тот также сообщал, что крымцы разорили Черкассы и Канев, а к зиме, как говорят, соберутся на Киев²². Впрочем, Киев так и не был разграблен, хотя в дальнейшем Менгли-Гирей писал, что намеченный зимний поход состоялся²³.

В посланиях 1493 и 1495 гг. Александр Казимирович добивался возвращения людей, угнанных крымцами в плен, а также возобновления отношений на условиях, ранее существовавших между Казимиром и Хаджи-Гиреем²⁴. В начале 1494 г. Иван III заключил с Александром Казимировичем перемирие. Переговоры шли 8 дней с 23 января

и завершились 1 февраля в Москве. Московскому княжеству отходили некоторые Верховские земли и Вязьма. 5 февраля был составлен, а 7 — скреплен договор между двумя восточноевропейскими великими княжествами. 2 февраля Александр Казимирович посватался к дочери Ивана III Елене, и в 1495 г. невеста прибыла к нему в Вильно, где и состоялось бракосочетание. До конца 1490-х гг. Москва и Литва формально находились в состоянии перемирия, поэтому походы крымцев на Литву в период с 1494 по 1498 гг. включительно, в отличие от набегов 1493 г., не были обусловлены призывами Ивана III, который в дипломатической переписке с Менгли-Гиреем вплоть до 1498 г. вовсе не затрагивал эту тему и воздерживался от каких-либо оценок его действий. В августе 1498 г. великий московский князь отправил в Крым своего посла Семена Ромодановского, которому было поручено публично, в том числе и в присутствии находившихся при ханском дворе литовских посланников, предложить Менгли-Гирею помириться с великим князем литовским. Однако в приватной беседе посол Ромодановский должен был пояснить, что если Александр не захочет мириться, то Иван III готов сам послать в помощь крымцам войска как против него, так и против большеордынских правителей (с которыми Александр вел в это время мирные переговоры)²⁵. Таким образом, крымские походы на Литву и Польшу в 1494–1498 гг. осуществлялись без поддержки со стороны московского князя, но он при этом не выступал против них и не предпринимал каких-либо действий, чтобы их предотвратить.

Осенью 1494 г. крымские татары напали на Подолье. Пострадала от их набегов и Волынь. В битве под Вишневецом погибли польские аристократы Енджих Каменецкий и Держек Гловинский. В 1495 г. крымцы воевали на Волыни около города Корец, но были вынуждены отступить под давлением войска из волынцев и поляков под предводительством Семена Гольшанского. В 1496 г. Семен Гольшанский и Константин Острожский были осаждены в Ровно. Также татарами был сожжен храм в Жидачеве и в целом нанесен значительный ущерб Волыни. Об этих боевых действиях достаточно подробно сказано в польских хрониках и волынской краткой летописи²⁶.

Татарские нападения причиняли вред экономике приграничных регионов, поэтому Александр санкционировал налоговые послабления

для некоторых местных поселенцев. В 1495 г. Шейх-Ахмед из Большой Орды отправил Александру послание с вопросом, кто друг, а кто враг, разведывая тем самым возможность заключения союза с Литвой²⁷. Он отмечал, что неплохо было бы отпустить посла Тахира, который был задержан в Литве на 8 лет. В 1496 г. Менгли-Гирей через своего посла Хасана предложил Литве мир. В ответ великий князь литовский отправил с посольством Каспара Германовича, который в свою очередь привез хану три «*девятных упоминки*» и потребовал освобождения пленников. Он предлагал вернуться к союзу подобному тому, что существовал между Хаджи-Гиреем и Казимиром. Великий князь литовский требовал прекращения татарских набегов на пограничные земли. После этого от крымцев к великому князю прибыл Ходжа-Берди, и от Александра поступило требование отправить в Литву заложника из огланов. Однако переговоры закончились ничем, а гонец Хасан узнал важную информацию о посольстве Василия Глинского к Ахмеду, благодаря чему удалось перехватить литовское посольство в степях. Позже Александр Казимирович требовал освобождения из плена Василия Глинского²⁸.

При этом в 1496 г. Александр Казимирович, формально поддерживая мир с Московским княжеством, демонстрировал откровенное неуважение к московским союзникам, чем довольно явственно показывал и свое отношение к Москве. В 1496 г., согласно Литовской метрике, через литовскую землю под предлогом того, что таких делегатов пропускать через христианские земли — значит противоречить традициям, не был пропущен направлявшийся к Ивану III турецкий посол²⁹. Но в то же время литовцы не стали прибегать к таким мерам по отношению к послу от Шейх-Ахмеда, хотя последний был мусульманином, так как в 1495–1496 гг. Александр Казимирович ориентировался на союз с Большой Ордой против крымцев.

В 1495 г. Александр отправил к сыновьям Ахмеда своего посла, после чего правители Большой Орды направили в Гродно послов Йусупа и Мусанака. По данным Литовской метрики, в 1496 г. Василий Борисович Глинский возглавил литовское посольство к Шейх-Ахмеду³⁰. Великий литовский князь просил хана Большой Орды помочь стать крымским ханом Оздемиру из династии Гиреев, который с 70-х гг. XV в. пребывал в Литве. Однако посольство Василия Глинского было

перехвачено людьми (ордынскими казаками) из Азака-Азова. Великий литовский князь натравливал Шейх-Ахмеда на Крым, крымцы же продолжали строить фортификации на том берегу Днепра. Невзирая на все требования освободить дипломата, Василий Борисович Глинский оставался в плену. Для того чтобы укрепить контакты, Александр отправил в 1497 г. в Большую Орду посольство Михаила Халецкого. В том же году крымцы осуществили набег на литовское пограничье. Крымское ханство давило на Литву и дипломатическими методами. В своих письмах Менгли-Гирей ставил перед Александром несколько условий перемирия, а именно: уступки улуса «Семеновых людей» («Семеновы люди» — это условное название татарского улуса, который подчинялся Семену Оленьковичу после 1452 г. Во время походов Менгли-Гирея татары отвоевали земли между Конскими водами, Самарой и Днепром, где и находился улус, но люди улуса «Семеновых людей» откочевали в земли Киевского наместничества. Менгли-Гирей желал, чтобы эти люди были отданы Крымскому ханству.), мира с турками, делал акцент на нападение казаков из Черкасс и Киева на Очаков в 1493 г., а также говорил, что если бы не это нападение, то был бы он в мире с Литвой. Менгли-Гирей лукавил и выдвигал невыполнимые требования, так как Александр не мог отказаться от помощи своему брату Яну Ольбрахту в походах против турок и не мог уступить часть территории³¹.

Сыновьям Ахмеда в 1493 г. удалось вытеснить тюменского хана Сайид-Ибрахима с Волги. Ханом Большой Орды в 1493 г. стал Муртаза, однако после непродолжительного правления его сместили. В 1494 г. Шейх-Ахмед сверг Муртазу, который вместе с Хаджике (Хаджи-Ахмед) бежал на Терек и просил помощи у своих союзников — черкесов. В 1495 г., обращаясь к великому литовскому князю Александру, Муртаза продолжал себя называть ханом. Вероятно, Муртаза правил улусом на Тереке. Шейх-Ахмед кочевал вместе с Сайид-Ахмедом. Эта пара правителей фигурирует в дипломатической переписке между Литвой и Большой Ордой. В 1498 г. Иван III писал Менгли-Гирею, что послы Александра ездили к Шейх-Ахмеду и Муртазе. Сайид-Махмуд кочевал у Волги. Великий князь литовский сожалел о том, что Сайид-Махмуд был смещен Шейх-Ахмедом. Около кочевий Шейх-Ахмеда кочевал и Сайид-Махмуд, и между ними в 1501 г. произошла ссора, которая привела к уходу Сайид-Махмуда

к Хаджи-Тархану, которым владел Абд ал-Керим. Шейх-Ахмед был самым сильным, но не единственным правителем Большой Орды. Относительно же дипломатической переписки с литовцами, вначале Шейх-Ахмед делал упор на давнюю дружбу со времен Бату (которой в реальности не было), на союз Ахмеда и Казимира и на необходимость общей борьбы против крымцев³².

В 1494–1496 гг. крымские татары активно нападали на границы Великого Княжества Литовского и Короны Польской. В 1494 г. крымцы вторглись на территории Подолья и Волыни с огнем и мечом, неся опустошение в эти регионы. Ян Ольбрахт отправил на помощь волынянам польские войска, которым удалось нагнать татар около Вишневца. Однако поляки были разбиты. Этот успех окрылил крымцев, и с тех пор они почти каждый год бывали на Волыни, проходя перед тем по Подолью. Татары опустошали эти регионы и тогда, когда в Киев к Дмитрию Путятичу прибыли крымские послы: сначала Хасан, а потом и Хаджи-Берди. Александр отправил послов Менгли-Гирея назад в Крым. В письме, переданном послами, он укорял хана в вероломстве и прямо обвинял крымского правителя в том, что это по его воле татары опустошают Волынь и Подолье. Менгли-Гирей же продолжал придерживаться союза с Иваном III и изнурять литовцев набегами. Только в 1495 г. Семен Гольшанский прогнал татар, грабящих Волынь, а зимой 1496 г., когда Семен Гольшанский, луцкий староста Василий Хрептович и Константин Острожский оказались в осаде в Ровенском замке, крымцы уже без преград ее опустошали³³.

В марте 1497 г. татарские «загоны» ворвались на Волынь и разорили окрестности Кременца. Знаменитый литовский полководец князь Константин Острожский собрал войско и пошел в бой на крымцев, которые, в свою очередь, не хотели серьезного военного столкновения и пошли в отступление. В бою под Полонным литовцы догнали и разгромили большой татарский отряд. Все воины были убиты, а полон отбит. Однако весной до Александра Ягеллончика «...дошли слухи», что «поганство» «хоть» литовским землям «шкоды чинить». В мае 1497 г. из Вильно к Ивану III с просьбой «вчинить помощь» против «поганства» был направлен посол Иван Сапежич³⁴.

Но Иван III не стал помогать Литве воевать с крымцами, которые в действительности в ближайшие же месяцы учинили набег.

Уже летом того же 1497 г. новый отряд крымских татар вторгся в южные литовские земли и разорил Мозырьские и Оливские волости, захватив множество пленников, убив под Мозырем митрополита Киевского и всея Руси Макария. Братья Михаил и Константин Острожские вместе со своими дружинами бросились в погоню за татарами. В сражении на реке Сороке, на Брацлавщине, братья-князья Острожские разбили крупный татарский «загон», освободив всех захваченных пленников. Триста сорок татар были убиты, в их числе и какой-то крымский царевич Акмала (не Гирей, а какой-то бей)³⁵. Тем же летом Александр Казимирович и его брат польский король Ян Ольбрахт собрались в поход против господаря Молдавии Штефана в отместку за разорение молдаванами Брацлава. Узнав об этом, 19 августа Иван III послал в Литву эмиссаров Заболоцкого и Курицына с требованием, чтобы Александр «...не рущил докончания» с Москвой и не шел воевать с московским союзником. Александр подчинился, но послал с поляками Станислава Кишку, а также Семена Стародубского и Василия Шемячича. Однако в конце октября осада Сучавы привела к разгрому польских войск в битве в Козьмином лесу. Ян Ольбрахт «...едва утече» и вернулся «с великим срамом». Побито было, по данным летописи, якобы до 40 000 поляков и литовцев (что, несомненно, является преувеличением: в походе принимали участие только поляки, литовцев не было вообще).

Крымские походы на Польшу и Литву в 1498–1500 гг. и отношения с Большой Ордой

В 1497 г. Шейх-Ахмед отправил в Великое княжество Литовское послов во главе с Хаджи-Мухаммедом. Среди послов были Абдулла-Батыр, Хаким-заде и Дана. Он предлагал литовцам помощь в сопротивлении Крыму, однако великий князь Александр не спешил с ответом. В 1498 г. великий князь литовский направил к татарам только толмача Байраша³⁶. В то же время Менгли-Гирей попробовал примириться с великим князем. В переписке с Александром он перекаладывал на киевского наместника Дмитрия Путятича из рода князей Друцких ответственность за возвращение из крымского плена литовских людей. Крымский хан предлагал Александру разорвать союз с Большой Ордой. В этом его очень поддерживал Иван III через своего посла

князя Ромодановского. В августе этот московский посланник отбыл в Крым. Там ему, с одной стороны, предписывалось в явной речи, предназначенной в том числе и для ушей пребывавших при ханском дворе литовских посланцев, призвать Менгли-Гирея к миру с Александром Литовским, но в приватной беседе с глазу на глаз Ромодановскому было велено сообщить от имени московского князя, что, если Александр мириться не пожелает, Иван III готов вместе с крымцами воевать как против него, так и против Большой Орды³⁷.

Тем временем великий князь литовский склонялся к союзу с Шейх-Ахмедом. Хан Большой Орды предлагал весну или осень 1497 г. для выступления литовского войска против крымцев и предлагал дожидаться его на окраине государства. Однако Александр не спешил выполнять все условия хана. Инициатором союза была Большая Орда. Следующее посольство мирз Аеги и Хаджи-Гирея, а также Коджака предложило помощь против крымцев. Великий князь литовский поблагодарил послов за предложение и обещал информировать их о переговорах с Менгли-Гиреем. В 1498 г. Шейх-Ахмед упрекал Александра в несоблюдении обещания вместе воевать против Крыма. Посольство возглавляли Кара-Абдулла и Хаким-Ходжа³⁸. В том же году крымский хан писал в Москву, что Александр Казимирович, с одной стороны, хочет мириться с ним, а с другой стороны, шлет послов для мирных переговоров в Большую Орду. Хан обещал поступить согласно «слову» московского князя, при этом выражая готовность воевать против его врагов, прежде всего, ордынцев³⁹.

Не вполне понятно, к чему стремился Александр: заключить союз с любым из ханств, которое даст на это согласие, или иметь мир с обоими с тем, чтобы заручиться надежной поддержкой против Москвы? Кроме того, мир с обоими ханствами был выгоден еще в одном отношении: союз с Крымом мог избавить Литву от набегов Большой Орды (где как раз в 1498 г. начался голод)⁴⁰, а поддержка Большой Орды могла помочь литовскому князю пресечь набеги крымцев на Великое княжество Литовское.

Александра беспокоили проблемы с крымцами, турками и молдаванами. В 1498 г. (более точна датировка Мацея Стрыйковского) турки и татары вторглись на территорию Галичины, то есть во владения Короны Польской. Крымские татары поддержали большое вторжение

турок и молдаван во владения Польского Королевства. Нападения же крымцев с турками в 1494 г. и 1497 г. были набегами на Великое княжество Литовское именно со стороны Крымского ханства. В 1497 г. крымцы прошли Подольем и Воынью до Кременца. Некоторые их отряды дошли до Припяти. На обратном пути их около Полонного догнал и победил Константин Острожский, это была его первая победа над татарами. На Днепровском Левобережье крымцы также воевали и около Мозыря, убили киевского митрополита Макария. Они угнали большой ясырь. Выступление молдаван против литовцев было вынужденным и спровоцированным тем же Александром Казимировичем, поскольку тот послал войска на помощь своему брату Яну Ольбрахту. Штефан III победил поляков в 1497 г. в битвах в Козьминском лесу и при Ленковцах. В Козьминском лесу молдаване применили хитроумный маневр. Спрятавшись в засаде, они обрушили спереди и сзади на польские ряды предусмотрительно подрубленные деревья и ударили с фланга⁴¹.

Татары приняли участие в походе на Галичину в 1498 г. по просьбе молдавского господаря. Менгли-Гирей писал Ивану III о походе крымцев на Польшу. Для польских хроник характерно то, что они концентрировали внимание на событиях в Молдове, а также на Подолье и Галичине. Общим в них было то, что они говорили о походе на земли Короны Польской татар, а также молдаван и турок. То, что турки поддерживали татар и вместе с ними воевали против Ягеллонов, подтверждают венгр Лайош Гервазий Туберо и украинец Феодосий Софонович. Так же они писали и о молдаванах с татарами. Ян Ольбрахт в письме варминскому епископу Лукашу Ватценроду же писал о множестве татар, вторгшихся в коронные земли. В Кросненском рочнике и Извлечении из хроники самборских бернардинцев сказано о вторжении татар на Русь (под этим термином они подразумевали только Галичину). Первым из польских хронистов эти события описал Мацей Меховский в Хронике поляков, кратко говоря о вторжении на Галичину турок, татар и молдаван. Его сведения были заимствованы Марцином Бельским, Мацеєм Стрыйковским и Александром Гванини. Марцин Бельский повторял сведения Мацей Меховского, Мацей Стрыйковский от себя добавлял к этому, что татары воевали и на Галичине, и на Подолье. Он упоминал конкретные города, разоренные врагами. Его рассказ почти полностью

повторил Александр Гванини. Рассказ Бернарда Ваповского несколько отличался. Он говорил о татарах на Подолье и о турках на Галичине. Под влиянием польской исторической традиции украинский летописец Феодосий Софонович упоминал, что молдаване и татары грабили Подолье. Галичина опустошалась турками. Зависела от польской традиции и Густынская летопись, в частности, ее данные должны были соответствовать сведениям Мацея Стрыйковского и Александра Гванини, однако они несколько отличаются. Сказано, что татары и турки сначала воевали на Галичине, а потом повернули на Подолье. Густынский летописец при описании более ранних событий рассказывал предысторию этих событий, а именно, что в 1497 г. под Сучавой поляки сражались против молдаван, татар и турок. А походу на Сучаву предшествовало вторжение на Воынь, во время которого крымцы разбили литовцев под Вишневром. Летописец же из Воыни освещает события только в Великом княжестве Литовском. Под 1497 г. отмечалось, что татары и турки напали на Воынь (для того чтобы попасть на Воынь, нужно было пройти Брацлавское воеводство) и воевали около Кременца. Крымцы были замечены на реке Сороке и Уме около Брацлава. Часть татар воевали в Полесье у Олевска (территория Киевского воеводства) и Мозыря. Константин и Михаил Острожские разбили татар.

Молдаване и татары взяли в плен 100 тыс. людей и продали их в Крыму и в Османской Империи. Однако и между противниками поляков не было мира. Османское войско Бали-бея Малкоч-оглу на обратном пути было атаковано молдаванами и потеряло много людей. На татар молдаване не нападали, основным своим противником они считали турок. В 1499 г. благодаря переговорам Польша и Венгрия заключили союз с Молдавией. В том же году крымцы совершили три набега на Подольские земли Польского Королевства. Набег в июле был неудачным для татар, хотя они и вышли на воыньско-подольскую границу. Под Черным Островом их разбили поляки. Во время второго набега их удалось остановить на Южном Буге. Во время третьего набега поляки под Хмельником и Брацлавом остановили крымцев и вынудили их отступить⁴².

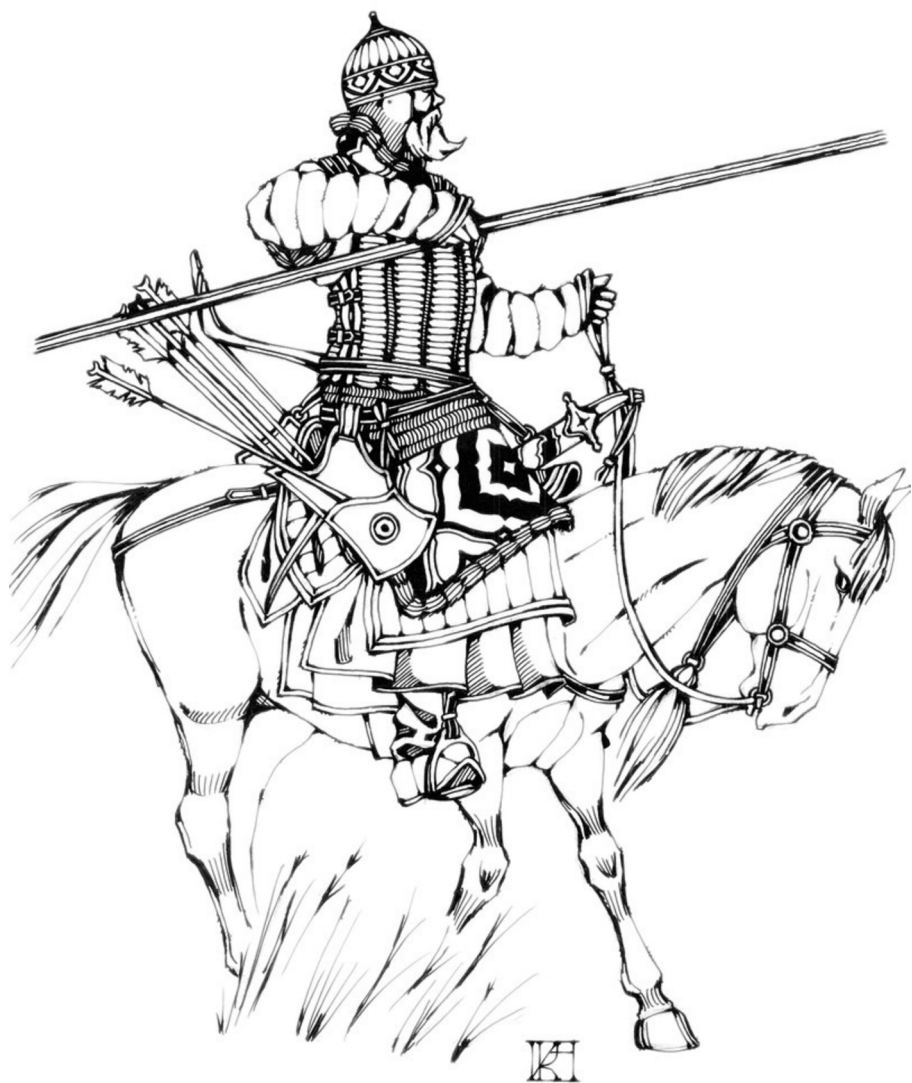
В 1498 г. Большая Орда безуспешно воевала с черкесами на Кубани. Не достигнув никаких успехов, ее кочевники из-за голода и холода вынуждены были переселиться в приднепровские степи.

Сначала люди сыновьей Ахмеда двинулись к Дону, где остановились у впадения Тихой Сосны в Дон. В 1499 г. в Большую Орду прибыло литовское посольство Михаила Халецкого, который был согласен присягнуть ему от имени Александра Казимировича, дабы вступить в союз с Большой Ордой. Однако союзу помешала вражда между Шейх-Ахмедом и Сайид-Махмудом. Сначала силы были на стороне второго, однако в 1500 г. Шейх-Ахмед победил в этой борьбе. В апреле 1500 г. его представители Елбердей и Навмен прибыли в Гродно. Александр ответил миссией гонца Ивана Трызны. Более важное посольство Михаила Халецкого не смогло отправиться в Большую Орду из-за начавшейся войны литовцев с русскими. Тем временем Дмитрий Путятич от имени великого князя вел переговоры с Менгли-Гиреем и указывал на дружбу Литвы с татарами со времен Ольгерда и Токтамыша. Он утверждал, что с украинских владений Великого князя Литовского он согласен платить большую дань. Это была отчаянная попытка расколоть альянс крымцев и русских. В 1500 г. Шейх-Ахмед вместе с Саид-Ахмедом и Абд ал-Керимом хотел ударить по Менгли-Гирею. Он достиг соглашения о союзе с ногайскими биями. К ногайцам прибыл литовский гонец толмач Байраш. Шейх-Ахмед также просил османского шахзаде Мехмеда б. Байазиде позволить пребывание татар на Нижнем Поднепровье. Шахзаде ответил отказом и, когда хан обратился к султану Байазиду, то и от него получил отказ. Хан отправил к великому князю Александру посольство Кара-Абдуллы и Ак-Чура. Он попросил не задерживать их надолго и прислать с ними в качестве послов Михаила Халецкого и Ибрагима⁴³.

Мацей Меховский упоминал о двух походах татар на Польшу в 1501 г. Сказано о двух походах и в 1500 г. Первый поход в мае 1500 г. затронул Польшу, и татары воевали у Люблина, Туробина, Белза, Красныстава. Согласно отправленному в августе 1500 г. из Крыма в Москву донесению Ивана Кубенского, хан за неделю до Пасхи (апрель) послал своих сыновей воевать в Литовские земли, и, как «*кажут*» крымцы, они шлют оттуда много полона⁴⁴. О втором походе в августе 1500 г. сказано, что татары напали на Русь, Литву, Сандомирскую, Мазовскую и Люблинскую земли и были около Ужендова, Ланцута, Ласенско, Красныстава, Завыхоста, Опатова, Люблина, Бреста⁴⁵. Согласно осеннему письму Менгли-Гирея Ивану III, в походе опять участвовали царевичи⁴⁶.

По свидетельству русской разрядной записи, какая-то часть крымцев в ходе грабительского похода на Литву заступила и в Козельскую округу и получила там отпор от окрестного князя и русских воевод: *«Тово же лета приходили тотаровя крымские и озовские и воевали козельские места от города за десять верст села Олешню да Рулицы. И Одоевские князи князь Иван Воротынской да Петровы дети Плещеева Василей да Иван догнали тотар на реке на Озерке и тех тотар тут побили»*⁴⁷. Козельск по условиям русско-литовского перемирия отошел к Москве. Но крымские отряды иногда в грабительских целях наступали и на территорию Московского государства. Как будет отмечено ниже, в 1503 г. они пограбили окрестности присоединенных к Русскому государству городов Чернигова и Семенова. Впрочем, ни тот, ни другой случай не привели к конфликту между Иваном III и крымским ханом.

В 1500 г. крымцы совершили большое вторжение в земли Великого княжества Литовского и Короны Польской. В польских источниках это вторжение описывается по-разному. Бернард Ваповский говорил об опустошении городов на польской этнической территории. Марцин Кромер, кроме того, указывал на опустошения на Воыни, Галичине и Берестейской земле, то есть речь шла и о польских, и о литовских землях. Марцин Бельский, Мацей Стрыйковский, Александр Гванини датировали события 1499 г. Такая же датировка принята в Хронике Быховца и Хронике Литовской и Жмойтской. При этом у Марцина Бельского и Александра Гванини говорится, что этот поход бы делом рук Ахмед-Гирея, который вторгся на Воынь, Галичину, Брестскую землю, на польские этнические земли до Вислы. Мацей Стрыйковский в целом дает похожую информацию, но не говорит об Ахмед-Гирее, а указывает на союз Менгли-Гирея с русскими. В Хронике Быховца детали похода в коронные земли опущены, а к словам о союзе Менгли-Гирея с русскими добавлено, что он был союзником молдаван. Среди опустошенных земель указывались Воынь и Подляшье, то есть литовские владения. В Хронике Литовской и Жмойтской указаны практически те же данные о союзниках татар, что и в Хронике Быховца. В украинских летописях информации еще меньше, чем в белорусско-литовской. В Львовской летописи отмечено только, что город Ярослав сожгли татары. В Густынской летописи же повторены данные Мацея

Московский служилый воин XV — начала XVI в.
Рис. Красникова А.В., 2016 г.

Стрыйковского и Александра Гванини о вторжении татар в польские и литовские владения. Таким образом, татар в походе 1500 г. возглавлял Ахмед-Гирей. Татары прошли с огнем и мечом по Брацлавщине и после этого вторглись на Воынь и в земли Воынского воеводства. После этого часть из них вторглась в земли Русского и Белзского воеводств на Галичине. Другая часть вторглась в земли Малополюши и дошла до Вислы. Отдельные отряды добрались к Бресту⁴⁸.

В 1500 г. произошло размирье Ивана III с Литвой. Менгли-Гирею об этом было сообщено в письме в апреле этого же года⁴⁹. Крымцы в своем походе причинили много вреда Галичине, Холмской земле и Люблинскому воеводству. Вероятно, перед этим опустошения были также и в Подолье. По мнению П. Юсяка, в 1500 г. было два похода. Ф. Конечны же считает, что второй поход состоялся в 1501 г. Данные письма великого магистра Тевтонского ордена ливонскому магистру в январе 1501 г. свидетельствуют, что Александр заключил мир с турками и татарами. Вряд ли бы немцы сообщали подобное, если бы Польша была тогда атакована татарами. Более того, известно, что в 1501 г. крымцы, вопреки уговору с Иваном III, до Литвы не дошли, так как боролись с татарами Большой Орды, укрепившимися на Дону.

Таким образом, оба похода крымцев на Литовские и Польские земли происходили в 1500 г. Первый, который произошел в июне, возглавлял Ахмед-Гирей, и он дошел только до Вислы. Второй поход, состоявшийся в сентябре, привел к опустошению Галичины и, вероятно, Подолья. Крымцы дошли до Сандомира, Опатова, Завихоста, перешли Вислу. Отдельные их отряды находились около Ливы в Мазовии и Бреста во владениях Великого княжества Литовского. В степи татары возвращались через Воынь и, вероятно, Брацлавщину. Они взяли Луцк и Владимир-Воынский и увели в ясырь 50 тыс. чел. Отряды татар были около Вишнева, Кремянца, Брацлава, Камянца-Литовского, Хмельника. Предположительно, от татарского вторжения пострадала и Холмская земля. Яну Ольбрахту ценой освобождения от налогов удалось отстроить заново города Красник, Ужендов, Ленчню, Парчев, Холм, Ухани, Тарговьська, Закжев, Липье.

Из дипломатической переписки Ивана III с Менгли-Гиреем видно, что московский князь не мог быть непосредственным инициатором майского и августовского набегов крымцев на Польшу и Литву в 1500 г.

Как уже говорилось выше, известие о своем размирье с литовским князем он отправил хану в апреле, до первого майского похода, однако в нем не было призыва военным действиям.

Сам Иван III с 1500 г. вел войну с Литвой за «украинные земли», которые он намеревался занять. Поводом к войне стало высказанное в 1499–1500 пожелание некоторых украинских князей перейти вместе со своими областями в московское подданство якобы на том основании, что великий литовский князь хочет принудить их принять католичество. При этом от вяземского наместника еще в 1499 г. доходили слухи, что Александр хочет обратиться в латинство (католичество) и свою жену Елену, дочь Ивана III, которая по брачному договору с московским тестем должна была сохранить православную веру. Однако даже если Александр высказывал подобные пожелания, он не мог сильно навязывать свое мнение, ибо в те годы в Литве масштабных гонений на православие и православную знать не было. И жену он менять веру все же не принуждал. Когда потом он получит от Папы Римского официальное разрешение обратиться ее в католичество вопреки всем уговорам, он, тем не менее, не воспользуется этим предложением и все-таки уступит желанию своей жены-москвички сохранить исконную веру. Думается, что в 1500 г. Иван III использовал эти доводы против Александра как предлог, чтобы порвать мир с Литвой и продолжить борьбу за собиранье входивших ее состав бывших древнерусских княжеств, тем более что некоторые украинные князья высказывали желание случить Москве.

Послание крымцам с призывом пойти войной на Литву он отправил из Москвы лишь 11 августа. В нем оговаривалось, чтобы хан собирался в поход к Слуцку и Пинску, а к Чернигову и Рыльску не ходил, так как теперь эти города принадлежат Москве⁵⁰. Осенью Менгли-Гирей писал, что слышал, что Иван III отвоевал у Литвы Чернигов и Путивль, и предлагал организовать совместный поход на Киев⁵¹. 7 октября московский князь послал в Крым письмо, предупреждая, что сейчас из-за бескормицы нет резона идти в поход, и лучше он пошлет весной свои войска на Смоленск, а крымцы пусть идут к Киеву⁵².

Менгли-Гирей требовал отправить ханских даругачи в Киев, Канев, Черкассы, Путивль и наладить выплату дани за 13 городов, включая вышеперечисленные. Менгли-Гирей хотел вернуть порядки,

существовавшие в Киевщине при Швитригайле и Сайид-Ахмеде. Крымский хан планировал напасть на Киев в 1497 г. Нужно сказать, что константинопольский патриархат и сам султан Байазид поставили цель перед Менгли-Гиреем оторвать Киевщину от Великого княжества Литовского. Да и сам Менгли-Гирей был воодушевлен этим планом и хотел добыть Киев и Черкассы для себя. Как союзники Крымское ханство и Великое княжество Московское выступили против литовцев⁵³.

В 1500 г. послом к Менгли-Гирею был отправлен Дмитрий Путятич. Крымский хан не отказался от союза с Иваном III, Александр Казимирович же значительной данью — ордынщиной и драгоценной одеждой — привлек на свою сторону Большую Орду. План Шейх-Ахмеда выступить в союзе с литовцами не поддержали Саид-Ахмед, Муртаза и Абд ал-Керим.

В мае 1501 г. Иван III послал Менгли-Гирею грамоту с просьбой послать крымские войска по направлению Туров — Пинск — Минск⁵⁴. Исследователи справедливо полагают, что князь планировал взять Смоленск. Войска Менгли-Гирея должны были или непосредственно помогать москвичам осаждать город, или грабить литовские земли поблизости, прикрывая московские войска от литовских сил, которые могли подоспеть на помощь смолянам. В 1501 г. татары Большой Орды перешли Дон у реки Чир, подошли к Тихой Сосне. На этой реке они основали крепость, которую впоследствии осадили крымцы. Согласно московской разрядной записи, «... того же лета августа в 7 день писал к великому князю Минли-Гирей царь с своим человеком Акдербием пришел на Орду на Шихмата царя; и Шихмат царь стал в крепости на усть Тихие Сосны у Дону под Девичьими горами, а он, Минли-Гирей царь, стоит против его на другой стороне Тихие Сосны; а улусы Шихматовы на сей стороне Дону от Волги; и князь великий бы послал на улусы рать свою. И князь великий послал на улусы царя Магмедеминя, а с ним князя Василья Нозроватого. А великой княгине резанской велел князь великий послати воевод Сунбула Тутыхина да Микиту Инкина сына Измайлова, а князю Федору велел послать Матвея Булгака Денисьева»⁵⁵.

Согласно июльским письмам Менгли-Гирея и донесению московского посла Мамонова, которые 7 августа прибыли в Москву, крымцы на Тихую Сосну пришли в июле, постояли напротив большеордынского

укрепления и, не взяв его, пошли назад, так как истомились люди и кони. При этом хан, как указано и в разрядной записи, просил выслать на помощь войска, обещая пойти в новый поход на ордынско-го хана Ших-Ахмета⁵⁶. Однако Иван III в августовском письме не сообщил о своем согласии прислать подмогу, но писал, чтобы хан выполнял свои союзнические обязательства — воевал против общих врагов (ордынцев). При этом он отметил, что войско Ших-Ахмета пришло под Рыльск. Но Менгли-Гирей не направил туда своего войска. 7 октября Иван III вновь послал ему письмо, что ордынцы вошли было в Рыльск, и прямо призывал хана послать на них войска. В январе 1502 г. из Крыма пришел ответ, что крымцы идти не могут, так как кони их еще не восстановили сил, но хан приказал выжигать степи, где будут зимовать ордынцы, дабы обеспечить им голод. Хан вновь просил московского князя прислать ему на помощь войска⁵⁷.

Войско Шейх-Ахмеда вместе с ногайцами сына бия Мусы насчитывало 20 тыс. воинов. Менгли-Гирей требовал от русских выставить на помощь 10 тыс. воинов с пищалями и пушкам. Шейх-Ахмед в переписке с Александром Казимировичем говорил, что его недавние враги, ногайцы, теперь стали его союзниками. В грамоте, подготовленной великокняжеской литовской администрацией и отправленной вместе с гонцом, ногайцам предлагалось присоединиться к коалиции Польши, Литвы, Венгрии, Чехии. 11 января 1501 г. в Краков прибыло посольство из Большой Орды. Татары заключили с Александром союз против Менгли-Гирей и Ивана III. Поляки и литовцы заплатили за союз 30 тыс. золотых. Шейх-Ахмед же обещал помощь в 30 тыс. воинов. Татары присягнули быть верными союзу, пролив воду на сабли. У Менгли-Гирей были шпионы в Большой Орде, которые проинформировали его о намерениях Шейх-Ахмеда⁵⁸.

Шейх-Ахмед и Великое княжество Литовское в 1501–1504 гг.

После того как Ших-Ахмет пошел к Рыльску, Иван III направил к ордынскому «князю» Тевекелю послание, прося о посредничестве в переговорах с Ших-Ахметом. Как выяснилось из последующего письма Тевекеля великому литовскому князю Александру Казимировичу, великий князь обещал признавать старшинство хана:

Татарин Большой орды XV-начала XVI в.
Рис. Шерстнева Е.А, 2016 г.

«*Ратаи и холоп его буду*»⁵⁹. В декабре 1501 г. в Москву приехал ордынский ханский посол «...князь Хазсогеря и нагайские послы», которые до этого враждебно относились к Московскому государству. В начале марта 1502 г. великий князь отпустил Хазсогерю в Орду и направил с ним своего посла ясельничего Давыда Лихорева. Несколько месяцев спустя, летом 1502 г., Ших-Ахмет писал Александру Казимировичу, что Иван III, желая разрушить ордынско-литовский союз, прислал ему выплаты, которых не давал его отцу и братьям.

Однако это не было восстановлением ордынского ига или традиции регулярной выплаты дани, которую Москва не платила ханам Большой Орды с начала 1470-х гг. (хотя окончательно этот вопрос решило Стояние на Угре, когда Ахмату не удалось заставить Ивана III платить дань и подчиняться его власти, после чего ни он, ни его потомки уже не ставили таких целей). Больше это напоминало эпизодический откуп во время войны с Ливонским Орденом, чтобы ни Ших-Ахмед, ни его союзник великий князь Литовский и король Польский Александр не вмешивались в нее со своими ордынскими и польско-литовскими силами на стороне орденских рыцарей. Иван III вел ловкую дипломатическую игру. В послании в Крым послу Заболотскому он писал, что не принял предложения хана. Между тем в февралемарте 1502 г. между Ордой и Литвой обозначилась «рознь», вызвана она была, впрочем, не столько усилиями московской дипломатии, сколько тем, что ордынцы в условиях суровой и холодной зимы стали в целях пропитания опустошать пограничные приднепровские владения Литвы.

Очевидно, по этой причине литовцы медлили оказывать помощь ордынцам. Это, в свою очередь, подтолкнуло Менгли-Гирея к мысли пойти в поход на ордынцев в Литовские земли. В начале мая в Москву Ивану III пришли из Крыма грамоты, сообщавшие об этом решении. Хан снова просил у москвичей военной помощи. Но в середине мая Иван III послал в ответ письмо, в котором вновь проигнорировал эту просьбу хана, попросив его лишь, чтобы тот помнил свои союзнические военные обязательства, то есть шел в поход на общего врага в лице Орды⁶⁰. В июне в Москву прибыли письма, что Менгли-Гирей уже выдвинулся в поход на ордынцев с пушками и пищальями, но не на Пасху, как собирался, а на пятой неделе после Пасхи (в мае),

так как весна была холодной. А про ордынцев писали, что они кочевали на р. Турпаче и Суле и в устье последней строили укрепления.

28 июня и 3 июля в Москву прибыли известия о том, что в мае Менгли-Гирей разбил Ших-Ахмета (Шейх-Ахмеда)⁶¹. Впрочем, вести о победах крымцев стали поступать еще в конце июня⁶². Мацей Меховский в «Трактате о двух Сарматиях» сообщал, что в начале зимы 1500 г. по просьбе князя Александра Шейх-Ахмед с войском в 60 тыс. воинов подошел к границам Великого княжества Литовского. В «Хронике поляков» события, связанные с Шейх-Ахмедом, датированы 1501–1502 гг. Тяжелая зима привела к большим потерям среди людей, и Менгли-Гирей победил Шейх-Ахмеда, который после этого бежал к Байазиду II в Аккерман. В Аккермане по приказу турецкого султана Байзида местные власти должны были арестовать Шейх-Ахмеда. С пятью десятками воинов он бежал в Киев, где местный правитель захватил его и отправил в Вильнюс. Бернард Ваповский сообщал о послах Шейх-Ахмеда в Польше и прибытии его войск на Днепр с Волги и Дона. Хронист указывал, что он предлагал полякам и литовцам воевать против крымцев. Далее сказано о победе крымцев над татарами Шейх-Ахмеда, о бегстве хана в Аккерман и затем в Киев⁶³.

События 1501–1502 гг. запечатлены во множестве польских и украинских хроник, а также в белорусско-литовских летописях и записках Сигизмунда Герберштейна. Судьбе Шейх-Ахмеда посвящена специальная статья И. Зайцева⁶⁴, а также работы А. Любой и В. Воронина. Изложение событий в принципе одинаковое, отличается лишь мелкими деталями. Зимой Шейх-Ахмед откочевал из района Северского Донца в Среднее Поднепровье и встал между Киевом и Черниговом. Хан Большой Орды Тахт-эли говорил, что пришел помочь против крымцев и русских, однако на практике его войска опустошали и земли литовцев. После того, как Менгли-Гирей разбил Шейх-Ахмеда, последний хотел найти убежище у турок в Аккермане, но, узнав о засаде, которую ему готовили, бежал к Киеву, где его взяли в плен.

У Марцина Кромера сказано, что Шейх-Ахмед был разбит Менгли-Гиреем под Киевом, бежал в Аккерман, а оттуда вернулся в Киев, где его схватили. Мацей Стрыйковский и Марцин Бельский датировали события 1501 г. Эта датировка была перенята и авторами Хроники Быховца и Густынской летописи. Марцин Бельский указывал, что Шейх-Ахмед

пришел, стал между Киевом и Черниговом и отвоевал у русских Новгород-Северский и Брянск. Эта версия повторяется в Хронике Быховца. Мацей Стрыйковский же говорил только о взятии Новгорода-Северского и опустошении земель до Брянска. Он повторял сведения Марцина Бельского о постое татар Большой Орды между Киевом и Черниговом. Практически без изменений сведения Мацея Стрыйковского передал Александр Гванини. Далее практически все польские хронисты и автор Хроники Быховца единодушны в том, что Шейх-Ахмед был разбит Менгли-Гиреем и бежал к Аккерману, но не принятый турками возвратился к Киеву, где и был взят в плен. Правда, Александр Гванини говорил, что на сейме в Радоме Шейх-Ахмед упрекал литовцев в том, что они должны были выйти под Стародуб, для того чтобы соединиться с ними. На это ему отвечали, что татары грабили литовских подданных во время постоа, и что в провале кампании он может винить только себя. Также сообщалось, что Шейх-Ахмед просил помощи у турок против поляков. Эта информация является вставкой хрониста. Марцин Бельский же говорил, что в 1501–1502 гг. крымцы вторглись в Галичину и Польшу. Мацей Стрыйковский говорил о 100 тыс. воинах Шейх-Ахмеда во время вторжения в Северскую землю и 300 воинах в его сопровождении во время бегства из Киева в Аккерман. Автор Хроники Литовской и Жмойтской пересказывал Мацея Стрыйковского и говорил о дани литовцев татарам Большой Орды кожухами. В Густынской летописи (также зависимой от Мацея Стрыйковского и Александра Гванини) указано, что Шейх-Ахмед находился у Киева, и ему заплатили дань одеждой. Сообщалось, что он был разбит Менгли-Гиреем и бежал к Киеву. Сигизмунд Герберштейн представил события с точки зрения независимой немецкой исторической традиции. У него вместо Менгли-Гирея правителем крымцев назван Мехмед-Гирей, а Шейх-Ахмед назван Ших-Ахматом (по русской традиции). Говорится, что жена хана хотела отговорить его от союза с Александром и поляками, потом она перешла с частью татар Большой Орды к крымцам. Количество сопровождающих хана в Аккерман возросло до 600 человек, а туркам приписано желание взять Шейх-Ахмеда в плен. Говорится, что хан с 300 воинами вернулся в Киев, где был взят в плен⁶⁵.

В понимании татар Улуг Улус (Большая Орда) перешел от потомков Ахмеда и Махмуда к Гиреям. Столица государства находилась теперь

в Крыму. Менгли-Гирей в документах после 1502 г. титуловал себя правителем Большой Орды. Эта традиция сохранялась в крымских документах вплоть до 1783 г. Л. Коллинз считал, что Большая Орда прекратила существование только с аннексией Крымского ханства Российской Империей. Крымские документы скорее свидетельствовали об амбициях крымских правителей, чем о реальном состоянии дел. Считать себя правопреемником Большой Орды, скорее, могло Астраханское княжество. В глазах же поляков и немцев правопреемником Большой Орды была Ногайская Орда. Для них были неважны династические и правовые тонкости, и они судили об этом по той территории, на которой кочевали ногаи⁶⁶.

Хурреми Челеби сообщал, что после победы над Саид-Ахмедом (в реальности над Шейх-Ахмедом) многих людей поверженного хана переселили в Крым. Хронист указывал, что крымцы кочевали между Эмбой, Терекон, Уралом, Волгой, Кубанью и Днепром. Эти сведения свидетельствуют о претензиях Менгли-Гирея на наследство Большой Орды. Великий московский князь воспринимался как улусный бей, а его государство как данник. Впрочем, и Великое княжество Литовское воспринималось как данник. Менгли-Гирей видел себя новым Токтамышем. После победы над Шейх-Ахмедом он указывал, что является правителем двух улусов, взявшим отцовский юрт. Таким образом крымцы предъявляли претензии на наследие Золотой Орды. Среди своих великих предков крымские ханы называли Токтамыша, Улуг-Мухаммеда, Саид-Ахмеда. Мехмед-Гирей называл себя правителем Улуг Улуса (Большой Орды) и Улуг Юрта (Большого Юрта). Также он называл себя правителем всех татар и ногайцев. Саадет-Гирей позже считал польского короля своим холопом, а молдаван размещал еще ниже, называя своими пастухами. Конечно, это заявление свидетельствовало об амбициях этого правителя. Задачей крымских ханов было возрождение Золотой Орды⁶⁷.

Когда Шейх-Ахмед был около Киева, Александр вел переговоры и с Менгли-Гиреем, для того чтобы предотвратить вторжение крымцев на литовские земли. После победы крымцев над Большой Ордой в 1502 г. великий князь Литовский согласился отправить в Крым послом Дмитрия Путятича, однако просил прислать взамен Туваккула (Тевекеля) Давлетка или человека, равного ему по положению.

Но в 1502 и в 1503 гг. крымские татары вновь и вновь вторгались в литовские земли. Тем не менее, великий князь Литовский по-прежнему продолжал вести переговоры с крымским ханом.

В 1503 г. Александр Казимирович снова поднял вопрос о закладнике (так в польско-литовской исторической традиции назывался заложник). В 1504 г. было принято решение отправить Дмитрия Путятича как закладника с литовской стороны. Менгли-Гирей предлагал заложника с крымской стороны — Бахтияр-мирзу. Однако отправившиеся в Крым Федор Калантаев и Петр Фурс вернулись без заложника. Менгли — Гирей мотивировал свой отказ тем, что его купцов и послов ограбили казаки⁶⁸. Хан отказывался дать закладника до того, как Александр накажет виновников и вернет его имущество. И лишь после смерти Дмитрия Путятича и после посольства Глеба Пронского к Мехмед-Гирею в 1505 г. было достигнуто окончательное соглашение о закладниках. И только после посольства Якуба Ивашенцевича Бахтияр-мирза прибыл в Литву. Татарские послы добивались того, чтобы их послы прибывали в Киев. В 1506 г. там был посол Бахтияр-мурза. Нужно отметить, что для контактов с крымцами часто привлекались татары из Литвы. Так, Ибрахим б. Темур (Абрахим Темирчич в Литовской Метрике) отправлялся в дипломатические миссии и был переводчиком при контактах с татарами⁶⁹.

Переговоры Шейх-Ахмеда с Александром застопорились еще по нескольким причинам. Для литовского князя было очевидно, что Большая Орда пребывает в затруднительном положении, и ее переселение к Днепру — это шаг отчаяния. Еще более укрепила великого князя в этом мнении откочевка хана Сайид-Ахмеда. Шейх-Ахмед же компенсировал потерю людей привлечением на свою сторону ногайцев, которые уже начали распространять свои кочевья на территорию Большой Орды. Но верхом наглости было требование передать под власть хана Киев и намерение сделать там наместниками Глинских. Последних Шейх-Ахмед называл своими слугами. В 1501 г. он отправил посольство к русским. Иван III предложил Шейх-Ахмеду заключить союз и прислал некоторую сумму денег в качестве дани. Хан Большой Орды охотно согласился на союз. В 1500–1503 гг. русский посол Д. Лихарев вел переговоры с Большой Ордой о мире. По мнению В. А. Воронина, Большая Орда не особо горела желанием воевать

против русских, зато требовала помощи против крымцев. Литовцы не хотели воевать против крымцев, но ждали помощи татар против русских. В переписке с Менгли-Гиреем Александр уверял, что татары Шейх-Ахмеда призваны против русских, а не против крымцев. Татары Большой Орды зимовали на Сейме, потом продвинулись в район р. Турпачи и Сулы. Александр не доверял Большой Орде и именно поэтому фактически отказал ей в помощи. В Литве и Польше ходили слухи, что в переписке с турками Шейх-Ахмед называл себя правителем Киева, Чернигова и других владений Великого княжества Литовского. Хан Большой Орды уверял великого князя литовского, что ведет переговоры с русскими для обмана оных. Еще когда Шейх-Ахмед пришел на Северскую землю, он потребовал отправить ему на помощь в 15–20 тыс. чел., великий князь Литовский же отказался это сделать, мотивируя отказ войной с русскими. Вместо войск он отправил хану одежды и меха. Шейх-Ахмед отправил в Краков посольство Кара-Абдуллы и Хаким-ходжи. Хан требовал, чтобы в составе литовского посольства его навестил Михаил Халецкий. Также Шейх-Ахмед выразил неудовольствие тем, что вблизи его нет литовских войск. Зимой 1501–1502 гг. татары Большой Орды грабили владения Александра в Чернигово-Северской земле. Весной 1502 г. они вторглись на Киевщину и находились в районе Канева. Тем временем на Шейх-Ахмеда двинулось крымско-татарское войско. Менгли-Гирей называл местом битвы реку Турпачей, где 2–6 июня 1502 г. разбил войско Шейх-Ахмеда. В начале июля 1502 г. Менгли-Гирей известил Александра о победе над Шейх-Ахмедом⁷⁰. М. В. Моисеев отметил, что отрывочные сведения источников не позволяют восстановить ход решающего сражения. Исследователь предположил, что большого боя на самом деле не было, так как изможденные ордынцы были согласны скорее на потерю суверенитета Большой орды и падение власти Шейх-Ахмета, нежели на то, чтобы быть истребленными крымцами⁷¹.

После 1502 г. от Большой Орды остались осколки. В приднепровских и приазовских степях обретался Шейх-Ахмед, в Нижнем Поволжье Абд ал-Керим основал собственное государство, известное как Астраханское ханство. Саид-Ахмед кочевал в поволжских степях, а Хаджи-Мухаммед на Тереке. Нужно сказать, что Шейх-Ахмед сам был довольно непоследовательным. В 1503 г. он готов был расторгнуть

союз с великим князем литовским Александром, дабы Иван III помог ему завоевать Хаджи-Тархан. В то же время Шейх-Ахмед отправил послов к бию Ямгурчи для того, чтобы ногайцы напали на крымцев. Но находясь в союзе с русскими Ямгурчи заявил, что ни сам он, ни его мирзы не будут воевать с Крымским ханством. Он же установил контакты с Менгли-Гиреем и вступил с ним союз. Отметим, что в 1503 г. в Вильнюс прибыло посольство от Шейх-Ахмеда. Туда же в 1505 г. прибыло послание от мирзы Алчагира (сына ногайского бия Мусы). На содержание послов Шейх-Ахмеда литовцы потратили 417 коп грошей только в 1502 г., а в 1503 г. 1287 коп грошей и 58 грошей. В 1503 г. литовцы собирались отправить большое посольство в Большую Орду, что еще раз показывает, что поражение Шейх-Ахмеда в 1502 г. не воспринималось как крушение государства. После победы над Шейх-Ахмедом политика Менгли-Гирея стала намного агрессивнее. Он требовал большой дани, в ином случае угрожал захватом Черкасс и Киева. Александр же отвечал просьбами о мире и упоминаниями о давней дружбе Хаджи-Гирея и Казимира, обещал отправить в Крым Дмитрия Путятича. В 1504 г. из Кракова в Крым отправилось посольство Льва Тышкевича. В 1505 г. прибыло ответное посольство, которое требовало, чтобы Шейх-Ахмеда не освобождали из темницы, а послов от Коджак-султана не отпускали назад. Кроме того, Менгли-Гирей вступил в переписку с Михаилом Глинским и литовскими панами, для того чтобы они, как и Александр Казимирович, сделали так, как хан сказал⁷².

В 1501 г. ногайцы воевали против Абд ал-Керима. Они постепенно захватывали просторы Большой Орды, но Хаджи-Тархан оказался им не по зубам. Именно ханство, которое образовалось из этого города было продолжателем традиций Золотой и Большой Орды⁷³. В русско-крымской переписке указывалось, что Шейх-Ахмед с братьями в 1504 г. приехали в Киев и затем отправились из Киева в Аккерман для того, чтобы найти поддержку у Османов. Местный паша от имени Байзида заявил, что не примет беглеца и не окажет ему помощи. Также указывалось, что султан друг и союзник Менгли-Гирею. Кто враг крымцам, тот враг и туркам. Турки атаковали свиту Шейх-Ахмеда, и тот с братьями бежал в Киев, где их захватил и заточил в Вышгороде местный воевода Дмитрий Путятич. По польским данным, османский султан сам поддержал прибытие Шейх-Ахмеда в Аккерман. Байзид II

через силистрийского пашу Бали-бея Малкоч-оглу обещал дать хану 6 тыс. воинов для завоевания Молдавии. При условии выполнения требований султана Шейх-Ахмеду предоставлялся свободный проезд землями Османов, а также мытом с Аккермана. Распространялись сведения о том, что султан хочет использовать его для похода на Венгрию. Они оказались лишь слухами, но возникшими не на пустом месте. В османском документе же указано, что в 1503 г. посол Коджака из Большой Орды получил дар в таком же размере, что и крымские послы. В 1502 г. посол от Шейх-Ахмеда Ходжа-Ахмед Сайид привез для хана новые ярлыки. Великий князь Александр не оставлял планов использовать хана-неудачника. Он собирал деньги для него, чтобы платить за службу, но отказывался помочь войсками⁷⁴.

Менгли-Гирей в 1502 г. просил русских помочь ему в походе против Шейх-Ахмеда, однако великий князь Московский не сильно торопился выполнять просьбу хана. Менгли-Гирей оплатил ему той же монетой. Когда его попросили послать войско на Киев, он сказал, что отправил туда 19 тыс. воинов со своими сыновьями, но это оказалось неправдой. Большая Орда как единое целое перестала существовать после 1502 г., однако ее осколки все также продолжали угрожать Крыму. Ногайский бий Ямгурчи в 1502 г. отказался помогать Шейх-Ахмеду и признал своим сюзереном Менгли-Гирея. В 1503 г. великий князь Иван соглашался на союз с Шейх-Ахмедом, если тот разорвет альянс с Польшей и Литвой. Крымский хан сообщал, что Шейх-Ахмед враждует с правителем Хаджи-Тархана Абд ал-Керимом. Однако в 1502 г. Шейх-Ахмед вместе с братом Коджаком с 500 воинами находился в Хаджи-Тархане. В 1503 г. в Новогрудок прибыли послы от Шейх-Ахмеда, которые сообщили, что ногайцы признали его своим ханом и выступят против любого врага, на которого укажет король. За ним могли пойти некоторые мирзы ногайцев, но далеко не все. В 1503 г. он вместе с ногайским мирзой воевал против Абд ал-Керима и Бахадура, которые контролировали Хаджи-Тархан с окрестностями. Вместе со своими союзниками он пытался захватить Астрахань, но потерпел поражение. Ногайцы под давлением московского князя Ивана III оставили его. Поход оказался неудачным, и тогда Шейх-Ахмед снова обратил свое внимание на запад. Нападения союзных с ним ногайцев в районе Медведицы отвлекли внимание крымцев от Киева.

В 1503 г. на содержание послов от ногайцев и Большой Орды было потрачено 484 копы и 40 грошей. В ответ из Литвы собралось большое посольство во главе с Иваном Крошинским. Расходы на него составили 630 золотых дукатов и 415,5 коп грошей. Литовцев не столько интересовал сам Шейх-Ахмед, сколько возможность наладить контакты с ногайцами. Однако большому посольству помешали внешне-политические обстоятельства. После того как Шейх-Ахмед потерпел полный крах, его послы получили всего 17 коп и 20 грошей, а к ногайцам был отправлен послом Ратомский с суммой в 164 копы грошей. Осенью 1503 г. Шейх-Ахмеда покинули и ногайцы. Он сделал попытку опереться на русских, попросив Ивана III добыть для него Хаджи-Тархан. Вероятно, осенью 1503 г. литовцы нейтрализовали Шейх-Ахмеда, заманив его в Киев и арестовав его. Уже в ноябре-декабре он пребывал в литовских землях, куда вскоре прибыло 800 татар из Поволжья, угрожавших литовцам и требовавших освободить хана. Мать Шейх-Ахмеда и его четыре брата также требовали его освобождения, однако Александр не пошел им навстречу. Литовцы сравнительно хорошо к нему относились и истратили на его содержание большую сумму. Кроме того, он был козырем в руках Александра при переговорах с Менгли-Гиреем. В 1514 г. на ханский престол в степях около Терека был возведен Хаджи-Мухаммед. Он оставался ханом с 1514 по 1519 гг. Его брат Музаффар с сыновьями бежал к астраханскому хану Джанибеку. В 1505 г. от Большой Орды от Сайид-Махмуда в Вильнюс прибыло посольство. В то же время литовцы поддерживали отношения с Крымом. Посольство во главе с Иваном Кошкой собирались отправить в Крым, однако набег крымцев вынудил посольство повернуть от Овруча назад⁷⁵.

Походы крымцев в 1502–1503 гг.

В 1502 г. великий князь Московский Иван III готовил поход с целью взять Смоленск. С ним связан и произошедший в тот год осенний грабительский набег двух крымских царевичей на южные литовские и польские земли: крымский хан по инициативе Ивана III послал их в помощь москвичам против литовцев.

Как указал В. В. Пенской, московский князь еще в мае отправил под Смоленск относительно небольшое войско князя Василия Шемячича.

Основные силы стали собираться лишь в июле, через несколько дней после того, как в конце июня стали поступать сведения о победе крымцев и о падении Ших-Ахмета. По резонному выводу исследователя, эти события были взаимосвязаны. Иван III берег свою рать до тех пор, пока точно не удостоверился, что ее не придется экстренно посылать воевать с бывшим ордынским ханом⁷⁶.

Заметим, что Шемячич не смог нанести серьезного удара по Смоленску, но в то же время нет никаких сведений о том, что его войско понесло какие-либо потери, находясь в Литве. Надо полагать, что литовцы, как и москвичи, берегли силы, пока не выяснилось, чем закончилась крымско-ордынская война на территории Великого княжества Литовского (где укрывался Ших-Ахмет), ведь победители могли после этого начать разорять его.

Основные силы во главе с сыном Ивана III Дмитрием Жилкой отправились в поход в начале июля. Но, вероятно, они выходили частями, 2, 9 и на день Св. Акилы⁷⁷ — 14 июля (дата 14 июля указана и в инструкции Ивана III к послу Заболоцкому, отправленной на другой день, 15 числа, где он пишет, что «...Дмитрей вышел из Москвы по Петрове дни в шестонадцатой день, июля 14 день, на память святого апостола Акилы, а пошел прямо к Смоленску»⁷⁸). Местом сбора войск Московского княжества, по-видимому, было подмосковное село Воронцово, откуда, по сведениям одной из летописей, вышли войска Жилки⁷⁹.

15 июля Иван III, как уже было сказано выше, отправил грамоты в Крым. В них он поздравлял Менгли-Гирея с победой над Ших-Ахметом и призывал его идти в поход на Литву в помощь московским войскам, которые направились в Смоленск. Крымцам предлагалось идти по направлению «...к Киеву, к Слуцку, к Турову, к Пинску, к Минску»⁸⁰. По-видимому, как и в минувшем 1501 г., планировалось, что они либо придут под стены города с другой стороны, либо отрежут осажденный Смоленск от литовских войск в случае, если те пойдут защищать город от москвичей.

Однако этот план провалился. 12 сентября в Москву пришли письма, что хан в начале августа отправил в поход на Литву якобы «...девятью тысячь» татарских воинов во главе с двумя сыновьями⁸¹. На самом деле эта цифра преувеличена. Современный исследователь В.В. Пенской склоняется к выводу, что на рубеже XV–XVI вв.

Крымский татарин XVI в.
Рис. Шерстнева Е.А, 2016 г.

Крым мог выставить до нескольких тысяч сабель, а после распада Большой Орды его военный потенциал возрос, но, тем не менее, к середине XVII в. численность войска могла составить лишь 30–60 тыс.⁸² М. В. Моисеев принял его выводы, а сам, рассматривая взгляды историков и данные источников о некоторых походах крымцев и ногаев, предположил, что они в разные походы отправляли различное количество воинов, но никогда не мобилизовали все боеспособное население, а также отметил, что точную численность крымского войска в этот период на сегодняшний момент установить невозможно⁸³, «...поэтому остается лишь чрезвычайно критично относиться к тем численным данным, которыми мы располагаем»⁸⁴. На наш взгляд, в такие грабительские походы, как этот, хан едва ли отпускал больше нескольких тысяч воинов, тем более что татары в тот год иногда действовали и в лесистой местности, где степное войско свыше 10 тыс. человек, скорее всего, потеряло бы управляемость. С другой стороны, Менгли-Гирей, надо думать, обычно отправлял больше тысячи воинов. Когда однажды он послал отряд в 500 человек, Иван III к этому, как было сказано выше, отнесся с недоверием и с большой досадой писал, что не понимает, что это за война в 500 человек. В некоторых случаях, как, например, в масштабном походе на Киев в 1482 г. с разорением как самого города, так и иных литовских земель, вероятно, действовало до нескольких десятков тысяч татар⁸⁵. Но походы крымцев в 1490-х и 1500-х гг. на Литву и Польшу не имели такого значения, и в них крымцы, конечно, скорее всего, выставляли значительно меньшее количество воинов.

В апреле следующего 1503 г. в Москву пришло донесение от московского посла в Крыму Заболоцкого, что «...два царевича, государь, Фети-Кирей да Бурнаш в Литовскую землю ходили воевати; а были, государь, кажут, от Кракова за две мили, а люди их, государь, иные были и за Краковым; а царевичи, государь, были подо многими города под литовскими и под лятцкими, под Луцком под болшим, да подо Лвовым, да под Бряслем, да под Люблиным, да под Вишневецем, да под Безлом, да под Туровым; а люди их, государь, иные были и под Киевым и под Луцком под малым; а сами, государь, царевичи не пошли по тем местом, на которые, государь, ты велел им итти, за тем, что с ними было людей много; а те места кажут лесны и тесны. А полону,

государь, привезли много добре. А из войны, государь, царевичи пришли за неделю до Филипова заговейна (8 ноября — М. Н.)»⁸⁶.

Крымский хан в письме от 1 февраля, которое тоже прибыло в Москву в апреле с тем же гонцом, что и донесение Заболоцкого, также писал: «Те мой два сына со мноюю ратию двема дорогами поехали, один на Литовскую землю Островские города прошел полтретьяцать ден ходив и воевал и зажигал и много полону взяв, добр здоров воротился; а меньшей мой сын, лятцкая была рать к королю пошла, и он встретив, за тою ратью погонил, до Кракова города десять миль не дошед, воротился и много городов разорив и много полону взяв, добр здоров приехал»⁸⁷. Отсюда видно, что царевичи ходили в привычных местах по южной части Литвы и Польши, а на север, в сторону Смоленка, так и не пошли. Они отговаривались тем, что те места, на которые Иван III велел им идти, «лесны» и «тесны». Однако хорошо известно, что Туров, а также окрестности Люблина и Кракова, которые разоряли крымцы, лежат в лесной зоне, и леса там такие же густые, как и под Смоленском. Скорее всего, они просто не хотели идти на север и ограничились разорением излюбленных южных областей.

Вместе с тем, летне-осенний поход татар на Литву и Польшу помог москвичам несколько продлить осаду Смоленска. Москвичи отступили из-под стен города 17 октября. Как отметил В. В. Пенской, основной причиной неудачи москвичей, по данным переписки Ивана III с Крымом, послужила бескормица⁸⁸. Типографская летопись косвенно подтверждает это, отмечая, что во время осады Смоленска московские служилые люди без спросу разбредались грабить окрестности, за что были потом в Москве жестоко наказаны по воле Ивана III⁸⁹.

По сведениям хроники Быховца, поводом к отступлению москвичей послужило приближение свежих литовских сил, движущихся на подмогу смолянам⁹⁰. Однако получается, что горожане не менее двух месяцев пробыли в осаде без какой-либо военной помощи из других областей Великого княжества Литовского. Надо думать, великий князь и литовские воеводы до середины октября не могли решить, что приоритетнее: оборонять Смоленск от москвичей или воевать с крымцами. Но поняв, что крымцы не идут на север, чтобы присоединиться к московским войскам, они выступили навстречу москвичам. К крымским набегам литовцы уже привыкли. А москвичи не просто разоряли

литовские владения, но и хотели отвоевать себе крупный город. В этой связи, если бы не произошло вторжения крымцев на юг Литвы и Польши, литовцы, скорее всего, послали бы войска на помощь смолянам раньше, и осада города была бы менее продолжительной.

Мацей Меховский указывал, что в 1502 г. татары совершили один из наиболее крупных походов на Польшу. В бедах отчизны хронист обвинил беспечность пограничных старост. Сказано, что татары взяли Жешув, Ярослав, Радымно, Белз, Дабницу, Лагов, Кунов, Великий Опатов. Предвестником вторжения польский хронист считал комету. Львовский староста Станислав из Ходца в письме Александру от 31 октября обвинял в бедах Галичины бездеятельность луцкого старосты. 26 сентября уже было известно о намерении короля идти против татар, которые в то время находились в землях Королевства Польского. Архиепископ Фредерик сообщал о вторжении татар в письме маршалку Анджею Кошелецкому. Бернард Ваповский утверждал, что крымские татары совместно с заволжскими в сентябре пришли в Сандомирскую землю и взяли Кунов, Лагов, Большой Опатов, дошли до Вислицы и только возле Пацанова были остановлены Яном Ваповским. Марцин Кромер указывал, что татары прошли Подолье, Русь и Сандомирскую землю. Были взяты города Жешув, Ярослав, Белз, Радомно, Давнице, Опатов, Лагов, Кунов. Александр Гванини под 1502 г. писал, что татары нападали на земли русинов и прошли до Пацанова в Сандомирскую землю, сожгли Ряшив, Ярослав, Радымно, Белз, Кунов, Лагов, Опатов. Под Опатовым дал им отпор Ваповский со своими соседями⁹¹.

П. Юсяк считает, что татары сожгли Жешув, Ланьцут, Пшеворск, Лежайск, Дубецко, Радымно в Перемышльской земле, Дунаев в Львовской земле, Белз в Белзкой земле, Грубешов, Красныстав, Савин и Холм в Холмской земле, Ужендов в Люблинской земле. Вторжение в Польшу поставило под угрозу и земли Великого княжества Литовского. Александр Казимирович упрекал Менгли-Гирея в том, что его люди атаковали литовское пограничье и многих увели в плен. В 1502 г. зафиксирован большой поход крымцев, добравшихся в этот раз до Кракова. Крымские татары под руководством Фетха и Бурнаша Гиреев воевали в окрестностях Луцка, Львова, Люблина, Турова, Киева. Сам Менгли-Гирей зимовал под Киевом. После этого похода Александр соглашался на выплату больших сумм денег на упоминки всей знати Крымского

ханства. Походы Гиреев опустошали Галичину, Подолье, Волинь и Брацлавщину⁹².

Разгром основных сил Большой Орды в 1502 г. не привел к мгновенной гибели государства. Разделение Большой Орды на ряд ханств ухудшило геополитическое положение Великого княжества Литовского. Менгли-Гирей принял в свое ханство многих татар, служивших ранее сыновьям Ахмеда, и степи оказались перенаселены. Чтобы не допустить гражданской войны, ему было необходимо направить активность своих подданных против внешних врагов, и такими врагами стали Великое княжество Литовское и Королевство Польское. Теперь жертвами походов крымцев стали жители не только литовского пограничья, но и жители внутренних регионов. Крымские татары стали куда более частыми гостями в этих регионах, чем татары времен Золотой орды. Шейх-Ахмед попал в плен только в 1504 г., окончательно утратив влияние в степях и потеряв уважение со стороны соседей. И именно с 1504 г. Менгли-Гирей начал себя величать правителем Большой Орды, то есть Улуг Улуса. Крымский хан считал себя правопреемником Золотой Орды. Он требовал от великого князя Александра Казимировича Киевскую землю и назначение в нее крымских даругачи, ссылаясь на практику времен Саид-Ахмеда и Швитригайла. Менгли-Гирей требовал «*выхода*» из Киевщины, назначения даругачи и права кочевать по этому региону. Александр Казимирович был согласен платить дань с Путивля, но только если крымцы помогут ему отвоевать у русских эту землю. Он соглашался на дань с Волини, Киевщины и Подолья в размере три деньги с человека, обещал дополнительные дани. Но эти земли должны были остаться за Литвой. Крымцы добивались восстановления вассальных отношений татарского хана с русским и литовским правителями⁹³. Вероятно, в эти же годы в Литве окончательно удостоверились в том, что заволжские татары полностью нейтрализованы и отныне никогда не доставят литовским землям серьезного беспокойства. Именно к 1506 г. относятся грамоты о раздаче в качестве слуг частным владельцам взятых несколько лет назад в плен заволжских и ногайских татар из разбитого Шейх-Ахметова войска⁹⁴.

По сведениям Густынской летописи, в 1502 г. крымские татары приходили в Польшу и воевали у Сандомира и Каганова⁹⁵. По сведениям Хроники Быховца, в осень 1502 г. татары перешли Припять и воевали

около Слуцка. Семен Слуцкий отразил нападение татар. Ян Ольбрахт отправил на помощь ему подолян Яна Бучацкого и наемников-австрийцев. Семен Слуцкий и Ян Бучацкий нагнали татар на реке Уше около Бобруйска и уничтожили татарский отряд в 150 воинов. Сказано, что в тот же год на Уше около Овруча сражались князья Федор Иванович Ярославич, Юрий Иванович Дубровицкий, Григорий Глинский. Татары в этой битве победили, и в ней погибли Горностай и Григорий Глинский. Сообщается, что Баты-Гирей с 6 тыс. татар пришел к Слуцку. Семен Слуцкий с небольшим количеством людей укрылся в Слуцком замке и послал к великому князю Литовскому с информацией, что татары обосновались под Копылем и Слуцком. Баты-Гирей же разослал свои отряды под Клецк и Несвиж. Клецк татары сожгли и, не дойдя шесть миль до Новогрудка, повернули назад у Ишкольди⁹⁶.

Представляется, однако, что в данном сообщении объединены сведения о походах татар 1502 и 1503 гг. Как мы видели по другим источникам, осенью 1502 г. татары не заходили так далеко на север — до Несвижа, Клецка, Новогрудка. Зато в 1503 г. татарские отряды добрались до тех широт.

О причинах этого нового похода крымских татар на Литовские земли также можно найти информацию в московско-крымской дипломатической переписке. В 1503 г. Иван III сообщал, что снова собирается послать войска в поход на Смоленск с тремя своими сыновьями — Василием, Юрием и Дмитрием Жилкой. Крымскому хану предлагалось также послать войска на Литву, в сторону Киева.

Переговоры велись, по крайней мере, с лета. В июльском письме Ивану III крымский посол Заболоцкий сообщает, что уговорил крымского хана отправить войска на Киев, но в данный момент тот не идет, опасаясь активности Шейх-Ахмета⁹⁷.

Сам хан обещал собраться в поход на Киев, а своих детей отпустить на Смоленск. Может быть, крымский августовский набег в какой-то степени являлся воплощением этих планов, хотя татары прошли по иным литовским землям. В 1503 г. крымцы совершили вторжение в Полесье и проникли далеко вглубь литовских земель под Бобруйск, Новогрудок, Клецк, Несвиж и Слуцк. Около Слуцка и Давид-Городка литовцы разбили татар. Вероятно, в лесных просторах Полесья и белорусских земель действовали мобильные отряды общим числом

в несколько тысяч. Цифра в 6 тыс., озвученная в источниках, выглядит правдоподобно⁹⁸.

Описание этих действий крымцев отличается в разных польских, украинских и белорусско-литовских хрониках. Марцин Бельский говорил о вторжении Баты-Гирея в 1503 г. во главе 6 тыс. татар во внутренние литовские земли (в районе Клецка, Новогрудка, Несвижа, Слуцка). Крымцы взяли Клецк, но осада Слуцка была неудачной, а под Городком (Давид-Городком) литовцы их разбили. Мацей Стрыйковский повторял эти данные, но добавлял, что татары вторглись на Подолье, в Галичину и в Польшу. Гетман Земелка разбил один отряд крымцев на Подолье, но сам пал в бою. Касательно событий в литовских землях автор хроники добавлял, что татары были разбиты под Бобруйском, места битвы под Городком он не знал, но говорил о битве как о большом успехе литовцев. Александр Гванини взял за основу рассказ Марцина Бельского о вторжении татар в литовские земли и добавлял к этому, что крымцы в 1504 г. вторглись на Подолье, при этом пересказывая данные Мацея Стрыйковского. В Густынской летописи же повторялись сведения от Александра Гванини в сокращенном виде и с датировками Мацея Стрыйковского и иных поляков. Собственно белорусско-литовские летописцы немногословны. В Хронике Литовской и Жмойтской коротко сказано о победе литовцев над крымцами у Бобруйска. Михалон Литвин сообщал о победе под Давид-Городком на Припяти. В Хронике Быховца события датированы 1503 г. и указано, что татары доходили до Слуцка и Новогрудка. Местом битвы литовцев с татарами указан тот же Городок (Давид-Городок), исходом также стало поражение татар.

Значительную роль в победе над крымцами под Слуцком и Давид-Городком в 1503 г. сыграл Семен Михайлович из рода Оленьковичей, что в середине XV в. удачно защищали границы Великого княжества Литовского и Киевского княжества. После ликвидации Казимиром IV Киевского княжества Оленьковичи правили только Слуцким княжеством с городами Слуцк и Копыл. Победы под Слуцком и Давид-Городком были локальными успехами на фоне большого вторжения крымских татар (тем не менее, они оказались несколько преувеличенными белорусско-литовскими летописцами и Михалоном Литвиным)⁹⁹.

В тот год, впрочем, сам московский князь на Литву войной так и не пошел. 25 марта 1503 г. он подписал с ней Благовещенское перемирие, поэтому в сентябрьских письмах в Крымское ханство (мир с Литвой к тому времени уже был заключен) он не благодарит Менгли-Гирея за поход на Литву, более того, отмечает, что крымцы пограбили не только литовские земли, но и окраинные княжества, отошедшие недавно Москве — Чернигов и Семенов, так и не вернув черниговскому князю набранного в Черниговщине полона¹⁰⁰.

В 1504 г. в Крым собирались отправить большое посольство во главе с Дмитрием Путятичем. Крымскому хану было послано семь девяти даров: пять шуб, четыре сорока мехов куниц, серебряных ковшей, кубков весом на 24 рубля 18 золотников, девять бланов лисьих, девять сукон фралинских, и столько же сукон люнских, аклинских, колтрышских. Дары предназначались хану, пяти женам хана, пяти сыновьям, карачи-бекам и бекам крымским. Однако то, что Менгли-Гирей не отправил в zakładники Бахтиар-мирзу, снова не дало возможности прибыть в Крым большому посольству, а упоминки остались в Киеве. Александр Казимирович был согласен откупиться от татар ценой больших даров. В декабре 1505 г. прибыло крымское посольство, которое стоило казне Литвы 69 коп 50 грошей. На сейме в Гродно прием посольства, пришедшего с возвращавшимся из Крыма Львом Тышкевичем, обошелся в 288 коп и 40 грошей. В 1505 г. в Крым был отправлен Якуб Иваншенцович. Ему было выдано на упоминки 288 коп и 40 грошей. На прием же крымских гонцов было израсходовано 126 коп и 20 грошей. В июле 1506 г. в Крым было отправлено 317 коп грошей. Однако все эти посольства и попытки умиловить Менгли-Гирея не имели должного эффекта. Продуктивные переговоры начались только после того, как литовцы разбили татар под Клецком¹⁰¹. Хотя повлиять на это могло и не поражение в войне, ведь в 1490-х гг. крымцы уже терпели поражения в Литве от Острожских, но это их набегов не останавливало. В 1505–1506 гг., в последние дни жизни Ивана III, Казань разорвала союз с Москвой и стала враждебным Москве государством. А крымцы, избавившись от общего с Москвой врага в лице Большой Орды, уже не чувствовали необходимости в дружбе с московскими князьями, тем более что экономических прочных связей с Московским княжеством они не имели. В этих условиях крымский хан сам был не прочь

со временем восстановить былое могущество Золотой Орды под своим собственным владычеством.

Походы крымцев 1505–1506 гг. и битва под Клецком (1506 г.)

Марцин Бельский сообщал, что в 1505 г. во внутренние районы Великого княжества Литовского пришли Мехмед-Гирей, Баты-Гирей и Бурнаш-Гирей. Прошли они через Днепр и Лоев. Баты-Гирей попробовал взять Слуцк, но не смог этого сделать. Отряды татар проникли к Новогрудку, однако Михаил Глинский устремился за татарами и прогнал их за Неман. Ранние хронисты сравнительно немногословны. Мехмед-Гирей взял Минск, однако не смог взять городской замок. Татары также не смогли взять и Слуцк. Их успехи значительно преувеличены поляками с целью в дальнейшем приписать татарам крупные потери в Клецкой битве. Вряд ли ясырь составлял 100 тыс., как указывается в разных польских и украинских хрониках. Это существенно снизило бы мобильность, не говоря уже о том, что литовские войска в этом случае легко нагнали бы крымцев и отбили бы полон¹⁰².

Эти события по-разному освещены в польских и украинских хрониках. Марцин Кромер указывал, что в 1505 г. крымцы вторглись на Галичину и в Подолье в коронных землях, в Литве же дошли до Клецка и истоков Немана. У Клецка их разгромил Михаил Глинский. Мацей Меховский говорил о двух вторжениях в 1506 г. Первое было в апреле, когда татары пошли на Галичину и в пограничные литовские земли. Второе произошло летом и было более глубоким. 10 августа под Клецком татары потеряли 5 тыс. воинов. Бернард Ваповский говорил о вторжении татар в 1506 г., дошедших до Вильнюса, и указывал на то, что их разбил Михаил Глинский. Также было еще одно вторжение в Подолье. Марцин Бельский утверждал, что в 1506 г. татары продвинулись до Лиды и Клецка. Станислав Кишка и Михаил Глинский разбили их в битве у Клецка. Крымцы спешно отступили из Полесья. В том же году крымцы вторглись на Галичину. Против них выдвинулось войско Яна Каменецкого, которое дошло до Меджибожа на Подолье.

Более подробно описывают картину поздние хронисты. Мацей Стрыйковский под 1505 г. указывал, что, пройдя Лоеву гору, татары во главе с Мехмедом-Гиреем, Бурнаш-Гиреем, Баты-Гиреем вторглись

в глубинные литовские земли и подошли к Слуцку, Минску, Новогрудку, Вильнюсу, Витебску, Полоцку, Друцку. Мехмед-Гирей взял Минск, однако попытка взять Слуцк была неудачной. Под 1506 г. говорилось о ясыре в 100 тыс. человек, взятых с Подолья, Галичины и литовских земель. Датированные 1507 г. события реально произошли в 1506 г. Баты и Бурнаш подошли к городам Лида, Новогрудок, Слуцк. Попытка взять Слуцк снова оказалась неудачной. Против татар выступило литовское войско во главе с Михаилом Глинским. Оно отогнало татар до Клецка. Говорилось, что Баты и Бурнаш осаждали Клецк. В битве, произошедшей под Клецком, решающую роль сыграла минская и новогрудская шляхта, а Михаил Глинский благодаря удачному маневру, пройдя заболоченными местностями через две гати, нанес ощутимый урон татарам. Именно Михаилу Глинскому приписана победа в битве. Потери крымцев оценены в 20 тыс. чел. Победа над татарами под Копылем считается заслугой Анастасии Слуцкой.

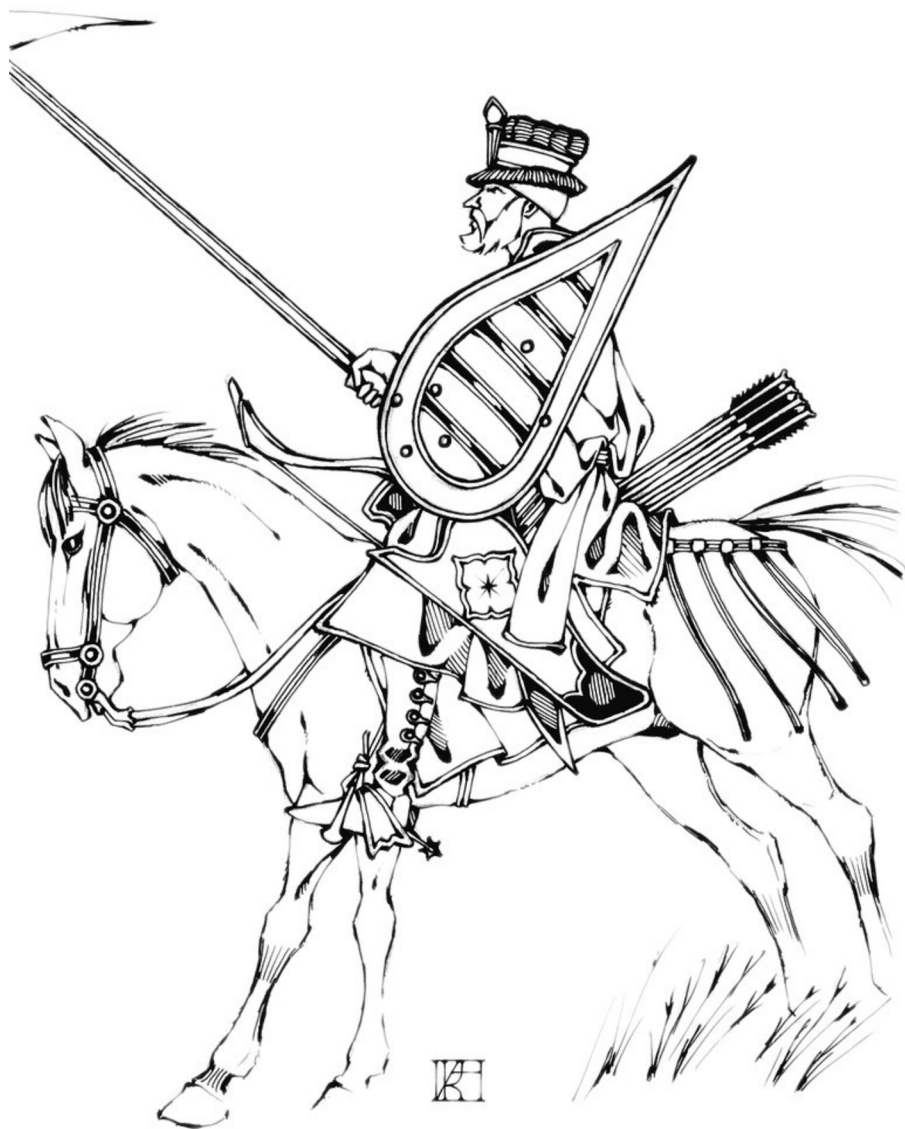
Александр Гванини же внес путаницу. События 1505 г. описаны им под 1501 г. (взятие Минска, осада Слуцка, поход под Новогрудок). Численность ясыря — 100 тыс. человек. При описании битвы под Клецком тенденциозно преувеличена роль иных литовских полководцев, кроме Михаила Глинского. О последнем было сказано, что он тоже отметился в битве. Количество павших врагов завышено до 20 тыс. При описании событий, предшествующих битве, указано, что Слуцк осаждало 10 тыс. во главе с двумя Гиреями. Иной отряд в 20 тыс. дошел до Новогрудка. У Циприна и Половки литовцы в числе 7 тыс. разбили отряд в 500 татар¹⁰³.

Более короткое описание мы встречаем в украинских летописях. В Густынской летописи фактически повторяются сведения Мацея Стрыйковского о походе трех Гиреев в глубинные литовские земли, многочисленном ясыре, падении Минска и осаде Слуцка. Хронология событий также изложена согласно Мацею Стрыйковскому. Добавлено же, что на Литву пришел сам Менгли-Гирей, и что его войско остановилось под Лидой, однако великокняжеское войско изгнало татар и отобрало у них ясырь. Несколько отличались сведения Феодосия Софоновича. Его хронология также была заимствована у Мацея Стрыйковского и Александра Гванини. Однако он говорил о походе Мехмеда и Бурнаша под Полоцк, Витебск, Луцк, Новогрудок.

Также он повторял сведения о несуществующем походе. Украинский летописец указывал, что Бурнаш и Баты осаждали Слуцк, а потом пришли под Новогрудок и Лиду. Литовские паны выступили против татар и убили 20 тыс. чел.¹⁰⁴

События, предшествующие Клецкой битве, и сама битва с разной степенью детализации освещены и в белорусско-литовских летописях, которые представляют самостоятельную историческую традицию. В Хронике Быховца поход Бурнаша, Баты и Мехмеда датирован 1503 г. Говорится о взятии Мехмедом Минска и рейдах его войска к Полоцку, Витебску и Друцку. Бурнаш и Баты действовали под Новогрудком и Слуцком. Под 1507 г. упомянуто, что под Слуцк, Новогрудок, Лиду пришло 20 тыс. крымцев. Против них выступило 10 тыс. литовцев. У Ишкольды литовцы разбили отряд в 500 татар, а потом под Клецком разбили их основное войско. Отдельные коши, возвращавшиеся из рейдов, были уничтожены у Петрикова, Слуцка, Овруча, Житомира. В летописи Рачинского сказано, что в 1505 г. татары вторглись в земли Великого княжества Литовского и в Русскую землю (Галичину) и угнали оттуда плен в 100 тыс. человек. В 1506 г. татары совершили очередной поход. Против них великий князь Александр отправил отряд гетмана Станислава Кишки, Михаил Глинский же воевал против татар около Клецка во время Спасового поста и победил татар. В Ольшевской летописи отмечено, что в 1500 г. литовцы победили татар у Клецка в день Марии. В Румянцевской летописи под 1506 г. указано, что татары были побеждены литовцами. По Евреиновской летописи в 1506 г. под Клецком Михаил Глинский победил татар. Большое влияние со стороны Мацея Стрыйковского испытала Хроника Литовская и Жмойтская. Там конспективно были записаны его сведения. Повторялись данные о Вильнюсе, Витебске, Полоцке, Друцке, осаде Минска, неудаче крымцев под Слуцком, большом ясыре с литовских земель. Касательно же битвы под Клецком указывалось, что 10 тыс. литовцев нанесли поражение 30-ти тыс. крымцев¹⁰⁵.

Официальной причиной походов 1505–1506 гг. Менгли-Гирей называл то, что великий князь не выдает ему Шейх-Ахмеда. Потенциальная возможность возвращения этого Джучида в поволжские степи очень беспокоила Менгли-Гирея. Однако наученный опытом Ивана III Александр Казимирович не спешил отпускать Шейх-Ахмеда и терять

Литовский гусар начала XVI века
Рис. Красникова А. В., 2016 г.

козырь в переговорах с Менгли-Гиреем¹⁰⁶. Литовские паны в письме в Крым успокаивали крымского хана тем, что Шейх-Ахмеда никогда не отпустят. Более того, они намекнули, что, в случае чего, могут убить знатного заложника. Однако Мацей Меховский писал, что в его время (до 1514 г.) тот находился в Каунасе. В 1517 г. с Шейх-Ахмедом беседовал Сигизмунд Герберштейн. Мехмед-Гирей в письме султану Сулейману в 1521 г. говорил, что тот находится у короля. В 1523 г. Саадет-Гирей беспокоился, что Шейх-Ахмеда используют против Крымского ханства. В 1524 г. валашский посол дезинформировал русского коллегу относительно возможности того, что литовцы отпустят Шейх-Ахмеда в Крым. Великий князь Литовский Сигизмунд в 1526 г. отвечал, что готов отпустить пленника в 1527 г. Шейх-Ахмеда действительно отпустили из Литвы, и он отправился на Волгу. Утемиш-Хаджи сообщал, что тот пришел в Хаджи-Тархан. В Крымском ханстве преемники Менгли-Гирея жаловались на это и полагали, что Сигизмунд этим хотел навредить русским и крымцам¹⁰⁷.

Думается, что все-таки крымский хан прощупывал походами 1505 и 1506 гг. потенциальные военные возможности Великого княжества Литовского и, если повезет, хотел схватить Шейх-Ахмеда. Поход трех сыновей Менгли-Гирея в 1505 г. на Полесье, собственно Литву и белорусские земли был удачным. Он по праву считается одним из самых успешных в истории противостояния Крымского ханства с Великим княжеством Литовским. Поражение под Клецком в 1506 г., которое потерпели Фетх-Гирей и Баты-Гирей, было значительным ударом для крымцев, что, однако, не стало поводом для прекращения вторжений. Л. Подгородецки считает, что под Клецком у литовцев было 3 тыс. воинов против татар, которые, в свою очередь, шли в поход во внутренние области Великого княжества Литовского в количестве 4 тыс. А. Боржемски же полагает, что 5 тыс. погибших татар у Клецка — это преуменьшение относительно численности их войска, но в то же время он считает преувеличением данные Стрыйковского о 24 тыс. или 20 тыс. татар. По мнению польского историка, крымцев было максимум 12 тыс. Думается, все войско крымцев вряд ли превышало 10 тыс., а литовцев было где-то в районе 4–5 тыс., как обычно бывало в битвах той эпохи. Потери крымцев реально, наверное, можно исчислять несколькими тысячами. Их войска в этом походе возглавляли Баты-Гирей и Бурнаш.

Поход на Великое княжество Литовское, финалом которого стала Клецкая битва, затронул и такие отдаленные от степи местности как Волковыск и Гродно. По информации Мацея Меховского, поход 1506 г. затронул и Польшу. Крымцы начали свои набеги во время пасхальных праздников и опустошили Галичину и Подолье¹⁰⁸.

С 1506 г. наметился новый поворот в политике Крымского ханства, когда поражения русских от казанских татар оживили надежды Менгли-Гирея на восстановление Золотой Орды. В послании Александру Казимировичу он предлагал вместе выступить против русских, указывал на союз с Мухаммед-Амином, напоминал, что при Витовте в свое время находились Токтамыш, Джелал ад-Дин, Кепек, Керим-Берди, Кадыр-Берди, Улу-Мухаммед, Саид-Ахмед. Менгли-Гирей также упоминал о пребывании в Литве Хадж-Гирея и Нур-Девлета и указывал на то, что вражда началась только из-за того, что Казимир хотел поддерживать контакты с потомками Тимур-Кутлуга. Менгли-Гирей говорил, что по воле Токтамыша Витовт получил Киев и Смоленск. Указывал, что, не спросив его на то позволения, русские воюют против Казани. Также великому князю Литовскому направили послание беки и мирзы Крымского ханства. К Александру Казимировичу прибыло посольство и от казанского хана Мухаммед-Амина. В письме великому князю Литовскому и королю Польскому указывалось, что Витовт и Улуг-Мухаммед были присяжными братьями и дружили, сообщалось о поражении русского войска в Казанском ханстве и высказывалась надежда на то, что литовцы и поляки выступят против русских. Сообщалось, что Мухаммед-Амин является союзником крымцев, и если Александр выступит против русских, то казанцы тоже будут воевать против них. Союз с Крымским и Казанскими ханствами стал реальностью уже при Сигизмунде I Старом, фундамент же для этих отношений был заложен уже при Александре Казимировиче¹⁰⁹.

Набеги крымцев на пограничные земли расценивались как постоянная угроза. Француз Блез де Виженер отмечал, что Подолье могло бы быть цветущим краем, если бы не набеги татар. Немец Сигизмунд Герберштейн указывал, что пограничными городами Литвы были Черкассы, Канев, Киев. Он отмечал, что Константин Острожский много раз побеждал татар, преследуя их, когда они были отягощены добычей. Память о татарах, живших около Черкасс и служивших великому

князю Литовскому, сохранилась у Эвлия Челеби в форме легенды о том, что город Черкассы основан мусульманским вероотступником по имени Черкес. Также отмечены успехи Михаила Глинского. Поляк Шимон Старовольский писал о постоянных набегах татар на Подолье. Указывалось также, что приграничными с татарами землями являются Брацлавщина и Киевщина. Станислав Сарницкий отмечал такие реалии минувших дней как Витовтов мост и Витовтова баня, упоминал в описании Подолья причерноморские регионы, в XVI в. принадлежавшие татарам. Сказано, что Очаков являлся главной твердыней татар. Вместе с этим есть и более современная информация, которая относилась к собственно Подолью и Брацлавщине. Брацлав описан как город, где находятся дозорные, готовые к бою. Хмельник также указан как замок, являвшийся укреплением против татар. Марцин Броневский в Описании Татарии говорит, что жители Брацлава стали отменными стрелками, наученными именно частыми столкновениями с татарами. Кроме того, отмечались и их навыки как проводников. Польский автор уже застал крепость Маяк в руинах, а Хаджибей — татарским поселением, отмечена им и крепость Очаков¹¹⁰.

Выводы

В правление великого князя Александра вся тяжесть охраны границы легла на провинциальных магнатов и шляхту. В 1497 г. местные правители успешно отражали нападения татар на Воыни, но Киевщина и Подолье были теми регионами, через которые проходили крымцы. Походы татар на Галичину и Воынь в 1498–1500 гг. обусловлены союзническим долгом Менгли-Гирея перед османским султаном. В 1503, 1505, 1506 гг. крымцы осуществили походы вглубь литовской территории, разорив Полесье и дойдя до Черной Руси. В этих походах крымцами руководили сыновья Менгли-Гирея. Особенно успешным был поход 1505 г., который возглавлял калга-султан Мехмед-Гирей. Победа под Давид-Городком в 1503 г. стала локальной победой литовцев. Первую значимую победу последние одержали в Клецкой битве 1506 г., в которой решающую роль сыграл полководческий дар Михаила Глинского. Важную роль в защите играли укрепленные замки, такие как Слуцк и Вишневец. Взаимоотношения великого князя Литовского с Большой Ордой служили единственной цели — отвлечь силы

крымцев от литовского пограничья. Реально помогать Шейх-Ахмеду в 1501–1502 гг. Александр Казимирович был не намерен. Великий князь Литовский придерживался скептического мнения о его государстве вследствие постоянных усобиц в Большой Орде. Поражение Шейх-Ахмеда в битве с Менгли-Гиреем в 1502 г. не означало падения Большой Орды. Улус Шейх-Ахмеда прекратил свое существование после пленения хана литовцами. Другие сыновья Ахмеда и Махмуда продолжали править улусами вдали от границ Великого княжества Литовского. Правопреемником Золотой Орды и Большой Орды наиболее справедливо может считаться Астраханское ханство. В конце правления Александра были заложены предпосылки для установления союза Польши и Литвы с Крымским и Казанским ханствами против русских.

ССЫЛКИ

¹ Pulaski K. Stosunki z Mengli-Girajem // Stusunki Polski s Tatarszczina od Polowi XV wieku. — Krakow-Warszawa, 1881. — P. 1–449; Koneczny F. Sprawy z Mengli-Girejem 1473–1504 // Ateneum Wileńskie. R. 4. — Wilno, 1927. — Z. 12. — P. 138–189; Z. 13. — P. 287–348; Kolodziejczyk D. The Crimean khanate and Poland-Lithuania: international diplomacy on the European periphery (15th –18th century): a study of peace treaties followed by annotated documents. — Leiden-Boston, 2011. — Vol. XXXVI. — P. 1109; Podhorodecki L. Chanat Krymski i jego stosunki s Polska. — Warszawa, 1987. — P. 1–359.

² Черкас Б. Україна у політичних відносинах Великого Князівства Литовського з Кримським ханатом (1515–1540 pp.). — Киев, 2006. — С. 244; Хорошкевич А. Л. Русь и Крым от союза к противостоянию. Конец XV — начало XVI вв. — М., 2001. — С. 366; Collins L. On the Alleged Destruction of Golden Horde in 1502 // Manzikart to Lepanto, Byzantine World and Turks, 1071–1571. — Amsterdam, 2001. — P. 361–399; Варонін В. А. З гісторыі узаемаадносін Вялікаго Княства Літоўскага з татарамі у канцы XV — першай трэці XVI стст. Хан Шыг-Ахмет // Studia Historica Europae Orientalis — Исследования по истории Восточной Европы. — Минск, 2011. — Вып. № 5. — С. 127–149; Трепавлов В. В. Большая Орда. — Тахт эли. Очерк истории. — Тула, 2010. — С. 1–112; Любая А. А. Институт закладников в дипломатических отношениях Великого Княжества Литовского и Крымского Ханства в конце XV — первой четверти XVI в. // Средневековые тюрко-татарские государства. — Казань, 2011. — Вып. 3. — С. 56–74.

³ Зимин А. А. Россия на рубеже XV–XVI столетий. — М., 1982. — С. 93.

⁴ Темушев В. Н. Первая московско-литовская приграничная война 1486–1494. — М., 2015. — С. 1–8.

⁵ Памятники дипломатических сношений Московского государства с Крымскою и Нагайскою ордями и с Турцией. Т. 1 //

Сборник императорского русского исторического общества. — СПб., 1884. — Т. 41. — № 6. — С. 25.

⁶ Там же. — № 7–9. — С. 25–37.

⁷ Пилипчук Я. В. Татарская политика Казимира IV, 1480–1492 // Золотоордынская Цивилизация. — Казань, 2015. — Вып. № 8. — С. 315–316.

⁸ Темушев В. Н. Первая московско-литовская приграничная война... — С. 30.

⁹ Памятники дипломатических сношений... — № 34–35 — С. 134–136, 149–152.

¹⁰ Полное собрание русских летописей (далее — ПСРА). — М., 1994. — Т. 39. — С. 166.

¹¹ Горский А. А. Москва и Орда. — М., 2000. — С. 179.

¹² Памятники дипломатических сношений... — № 36. — С. 160–161.

¹³ Там же. — С. 157.

¹⁴ Там же. — № 37. — С. 166–167.

¹⁵ Там же. — № 38–39. — С. 170–171.

¹⁶ Там же. — № 40. — С. 181.

¹⁷ Там же. — № 41. — С. 187.

¹⁸ Там же. — С. 191.

¹⁹ Там же. — № 43. — С. 196.

²⁰ Там же. — № 41. — С. 190.

²¹ Там же. — № 40, 41. — С. 183, 191.

²² Там же. — № 42, 43. — С. 194, 197–198.

²³ Там же. — № 45. — С. 211.

²⁴ Pulaski K. Stosunki z Mengli-Girajem... — P. 33–40, 224; Koneczny F. Sprawy z Mengli-Girejem... — P. 180–181, 186; Fiodorvaite K. Tatar factor in Soyh-Western Rus in second half of 15th century according Lithuanian Metrica // Colloquia Rossica. — Krakow, 2013. — Series I. — Vol. № 3: Rus' during the Epoch of Mongol invasions. — P. 150–152.

²⁵ Памятники дипломатических сношений... — № 57. — С. 258–260.

²⁶ *Scriptores Rerum Polonicarum*. — Cracoviae, 1874. — P. 21; *Kronika Polska Marcina Bielskiego*. — Sanok, 1856. — Т. 2. — Ksiega IV–V. — P. 894; *Kronika polska Marcina Kromera biskupa Warmińskiego*. — Krakow, 1882. — Т. 2. — Ksiega XXX. — P. 1323; Стрийковський Мацей. Літопис польський, литовський, жмудський і всієї Руси. — Львів, 2011. — С. 806; Памятники дипломатических сношений... — № 57. — С. 258–260;

Гваньїні Олександр. Хроніка Європейської Сарматії. — Киев, 2009. — С. 349; ПСРА. — М., 1980. — Т. 35. — С. 123.

²⁷ Акты, относящиеся к истории западной России. — СПб., 2012. — Т. 1. (6) Сборник документов канцелярии великого князя Александра Ягеллоничка (1494–1506). Шестая книга литовской метрики. — № 40. — С. 43.

²⁸ Любая А. А. Институт закладников... — С. 64–65; Гудавичюс Э. История Литвы. — М., 2005. — Т. 1. — С. 495; Podhorodecki L Chanat Krymski... — Р. 33–34; Kolodziejczyk D. The Crimean khanate and Poland-Lithuania... — Р. 26; Pulaski K. Stosunki z Mengli-Girajem... — Р. 47–50, 225–239; Koneczny F. Sprawy z Mengli-Girejem... — Z. 13. — Р. 300; Kronika Polska Marcina Bielskiego... — Р. 152.

²⁹ Акты, относящиеся к истории западной России... — № 41–43. — С. 44–45.

³⁰ Там же. — № 44. — С. 45.

³¹ Хорошкевич А. Л. Русь и Крым... — С. 151–152; Варонін В. А. З гісторыі узаемаадносін... — С. 129; Трепавлов В. В. Большая Орда... — С. 96; Pulaski K. Stosunki z Mengli-Girajem... — Р. 47, 51–54, 229–237; Koneczny F. Sprawy z Mengli-Girejem... — Z. 13. — Р. 288–289, 300–302; Fiodorvaite K. Tatar factor in Soyh-Western Rus... — Р. 152–153.

³² Почекаев Р. Ю. Цари ордынские. Биографии ханов и правителей Золотой Орды. — СПб., 2012. — С. 268–269; Трепавлов В. В. Большая Орда... — С. 89–92, 95; Pulaski K. Stosunki z Mengli-Girajem... — Р. 237–239.

³³ Pulaski K. Stosunki z Mengli-Girajem... — Р. 42–43.

³⁴ Акты, относящиеся к истории западной России... — № 50. — С. 50.

³⁵ ПСРА — М., 1980. — Т. 35. — С. 124.

³⁶ Почекаев Р. Ю. Цари ордынские... — С. 271; Варонін В. А. З гісторыі узаемаадносін... — С. 129; Pulaski K. Stosunki z Mengli-Girajem... — Р. 237–242.

³⁷ Памятники дипломатических сношений... — № 57. — С. 258–260.

³⁸ Хорошкевич А. Л. Русь и Крым... — С. 152–153; Варонін В. А. З гісторыі узаемаадносін... — С. 129; Pulaski K. Stosunki z Mengli-Girajem... — Р. 241–242.

³⁹ Памятники дипломатических сношений... — № 59. — С. 277–278.

⁴⁰ Там же. — № 59. — С. 277.

⁴¹ ПСРА. — М., 1980. — Т. 35. — С. 124. — С. 124; ПСРА. — М. 2003. — Т. 40. — С. 140–141; Софонович Ф. Хроніка з літописців стародавніх. — Киев, 1992. — С. 214; *Kronika Polska Marcina Bielskiego...* — Р. 898, 903–904; Borzemski A. *Kronika Miechowity. Rozbior krytuczny.* — Krakow, 1890. — Р. 84–86; *Scriptores Rerum Polonicarum...* — Р. 35, 262–263, 337–339; *Monumenta Poloniae Historica. Pomniki dziejowe Polski wydal August Bielowski.* — Lwow, 1878. — Т.3. — Р. 250; Там же. — Р. 800; Стрийковський Мацей. Літопис польський... — С. 816–817; Гваньїні Олександр. Хроніка Європейської Сарматії... — С. 349–350; Хроника Литовская и Жмойтская // ПСРА. — М., 1975. — Т. 32. — С. 98–99.

⁴² Epure V.A. *Quelques pages d'histoire troublee des XIV-eme et XV-eme siecles de l'Est de l'Europe // Codrul Cosminului.* — Suceava, 2008. — № 14. — Р. 35; Очерки внешнеполитической истории Молдавии. — Кишинев, 1987. — С. 92–95; *Kronika polska Marcina Kromera...* — Р. 1338–1339; Podhorodecki L. *Chanat Krymski...* — Р. 33–35; Балух О. Польсько-молдавська війна 1497–1499 рр. // Наукові зошити історичного факультету: збірник наукових статей. — Львів, 2008. — Вип. № 9–10. — Ч. 1. — С. 60–66; Pulaski K. *Stosunki z Mengli-Girajem...* — Р. 57; Jusiak P. *Najazdy tatarskie na ziemie chelmska i lubelska v XV I pierwszej npolowie XVI wieku oraz ich skutki // Zamoysko-Wolynskie Zoszyty Muzealne.* — Zamosc-Luck, 2008–2010. — Т. V. — Р. 62–63; Koneczny F. *Sprawy z Mengli-Girejem...* — Z. 13. — Р. 302; Borzemski A. *Kronika Miechowity...* — Р. 86; Тимів І. В. Хронологія перших татарських і турецьких набігів на землі Руського воєводства у XV ст. // Чорноморський літопис. — Одесса, 2013. — Вип. № 7. — С. 68–69.

⁴³ Почекаев Р. Ю. Цари ордынские... — С. 271–272, 274; Гайворонский О. Повелители двух материков. — Киев-Бахчисарай, 2010. — Т. 1. — С. 80–83; Хорошкевич А. Л. Русь и Крым... — С. 153–154; Варонін В. А. З гісторыі узаемаадносін... — С. 129; Pulaski K. *Stosunki z Mengli-Girajem...* — Р. 63–64, 243–256; Koneczny F. *Sprawy z Mengli-Girejem...* — Z. 13. — Р. 308–309, 314–316.

⁴⁴ Памятники дипломатических сношений... — № 66. — С. 322–323.

⁴⁵ Borzemski A. *Kronika Miechowity...* — Р. 86; *Scriptores Rerum Polonicarum...* — Р. 263–264, 272.

⁴⁶ Памятники дипломатических сношений... — № 68. — С. 329–330.

⁴⁷ Разрядная книга: 1475–1605 гг. — М., 1977. — Т. 1. — Ч. 1. — С. 60.

⁴⁸ *Scriptores Rerum Polonicarum...* — P. 37; *Kronika Polska Marcina Bielskiego...* — P. 908–910; *Kronika polska Marcina Kromera...* — P. 1344–1345; Стрийковський Мацей. Літопис польський... — С. 822–823; Гваньїні Олександр. Хроніка Європейської Сарматії... — С. 352; ПСРЛ. — М., 1975. — Т. 32. — С. 100, 168; ПСРЛ. — М., 2003. — Т. 40. — С. 142.

⁴⁹ Памятники дипломатических сношений... — № 59. — С. 277–278.

⁵⁰ Там же. — № 65. — С. 317.

⁵¹ Там же. — № 68. — С. 330.

⁵² Там же. — С. 337–338.

⁵³ Гудаевичус Э. История Литвы... — С. 498–499; Pulaski K. *Stosunki z Mengli-Girajem...* — P. 59–63; Koneczny F. *Sprawy z Mengli-Girejem...* — Z. 13. — P. 302, 306, 309, 316; Borzemski A. *Kronika Miechowity...* — P. 86–87.

⁵⁴ Памятники дипломатических сношений... — № 71. — С. 348.

⁵⁵ Разрядная книга: 1475–1605 гг... — С. 68.

⁵⁶ Памятники дипломатических сношений... — № 74. — С. 367–369.

⁵⁷ Там же. — № 75–76, 78. — С. 370–378.

⁵⁸ Хорошкевич А. Л. Русь и Крым... — С. 155–156; Трепавлов В. В. История Ногайской Орды. — М., 2002. — С. 129–130; Варонін В. А. З історії узаемадносін... — С. 130–131; Kolodziejczyk D. *The Crimean khanate and Poland-Lithuania...* — P. 28; Трепавлов В. В. Большая Орда... — С. 97; Podhorodecki L. *Chanat Krymski...* — P. 35; Pulaski K. *Stosunki z Mengli-Girajem...* — P. 64–70, 256–264.

⁵⁹ Российский государственный архив древних актов. Ф. 389. Кн. 5. Л. 247.

⁶⁰ Памятники дипломатических сношений... — № 82. — С. 413–416.

⁶¹ Там же. — № 83. — С. 416–421.

⁶² *Acta Alexandri Regis Poloniae, Magni Ducis Lithuaniae etc. (1501–1506) // Monumenta medii aevi historica res gestas Poloniae illustrantia.* — Cracoviae, 1927. — Т. XIX. — P. 420.

⁶³ Матвей Меховский. Трактат о двух Сарматиях // Матвей Меховский. Трактат о двух Сарматиях. Сокровенное Сказание монголов. — Рязань, 2009. — С. 91–92; Borzemski A. *Kronika Miechowity...* — P. 87–89; *Scriptores Rerum Polonicarum...* — P. 41–43, 47–48, 272–273, 276–278.

⁶⁴ Зайцев И. В. Шейх-Ахмад — последний хан Золотой Орды (Орда, Крымское ханство, Османская империя и Польско-Литовское государство в начале XVI в.) // От Стамбула до Москвы. Сборник статей

честь 100-летия профессора А. Ф. Миллера. — М., 2003. — С. 31–52.

⁶⁵ Kronika Polska Marcina Bielskigo... — P. 912–913, 915–917, 922–923, 925; Kronika polska Marcina Kromera... — P. 1354–1355; Стрийковський Мацей. Літопис польський... — С. 826; Гваньїні Олександр. Хроніка Європейської Сарматії... — С. 352–354; ПСРА. — М., 1975. — Т. 32. — С. 169; ПСРА. — М., 2003. — Т. 40. — С. 142, 144; Герберштейн Сигизмунд. Записки о Московии. — М., 1988. — С. 182–183.

⁶⁶ Смирнов В. Д. Крымское ханство под верховенством Оттоманской Порты до начала XVIII века. — Одесса, 1887. — С. 343–344; Хорошкевич А. Л. Русь и Крым... — С. 98–100; Collins L. On the Alleged Destruction of Golden Horde in 1502 ... — P. 361–399.

⁶⁷ Гайворонский О. Повелители двух материков... — С. 91–94, 125, 128–129, 133–134, 159–160, 197; Хорошкевич А. Л. Русь и Крым... — С. 100; Негри А. Извлечение из турецкой рукописи Общества, содержащей историю крымских ханов // Записки Одесского Общества Истории и Древностей. — Одесса, 1844. — Т. 1. — С. 379–392; Collins L. On the Alleged Destruction of Golden Horde in 1502 ... — P. 361–393.

⁶⁸ Акты, относящиеся к истории западной России... — № 69–70. — С. 64–67.

⁶⁹ Любая А. А. Институт закладников... — С. 65–66; Pulaski K. Stosunki z Mengli-Girajem... — P. 266–277; Fiodorvaite K. Tatar factor in Soyh-Western Rus... — P. 153–154.

⁷⁰ Почекаев Р. Ю. Цари ордынские... — С. 274–276; Гайворонский О. Повелители двух материков... — С. 82–87; Хорошкевич А. Л. Русь и Крым... — С. 155–158; Варонін В. А. З історії узаемаадносін... — С. 131–132; Vasary I. The Crimean Khanate and the Golden Horde 1440s-1500s: a fight for primacy // The Crimean Khanate between East and West. — Wiesbaden, 2012. — P. 20; Kolodziejczyk D. The Crimean khanate and Poland-Lithuania... — P. 28; Gonta A. I. Romanii si Hoarda de Aur. — Iasi, 2010. — P. 194; Трепавлов В. В. Большая Орда... — С. 97–102; Гудавичюс Э. История Литвы... — С. 503, 506; Pulaski K. Stosunki z Mengli-Girajem... — P. 64–75; Koneczny F. Sprawy z Mengli-Girejem... — Z. 13. — P. 318–325; Borzemski A. Kronika Miechowity... — P. 90; Довнар-Запольский М. Литовские упоминки татарским ордам. Скарбовая книга метрики литовской 1502–1509. — Симферополь, 1898. — С. 10.

⁷¹ Моисеев М. В. Степные войны от Угры до ногайского погро-

ма Крыма (1480–1522 гг.) [Электронный ресурс] // История военного дела: исследования и источники. — 2015. — Специальный выпуск V. Стояние на реке Угре 1480–2015. — Ч. I. — С. 170 <http://www.milhist.info/2015/11/23/moiseev_1> (23.11.2015).

⁷²Трепавлов В. В. История Ногайской Орды... — С. 141–143, 163; Почекаев Р. Ю. Цари ордынские... — С. 277–278; Трепавлов В. В. Большая Орда... — С. 98–100, 103–105; Довнар-Запольский М. Литовские упоминки татарским ордам... — С. 8; Pulaski K. Stosunki z Mengli-Girajem... — Р. 264–277, 279–280, 282–289.

⁷³Зайцев И. В. Астраханское ханство. — М., 2004. — С. 61–63.

⁷⁴Epure V. A. Quelques pages d'histoire... — Р. 36; Зайцев И. В. Астраханское ханство... — С. 103–106; Варонін В. А. З гісторії узаемаадносін... — С. 133; Зайцев И. Л. Между Москвой и Стамбулом. Джучидские государства, Москва и Османская империя (нач. XV — пер. пол. XVI вв.). Очерки. — М., 2004. — С. 64–65; Зайцев И. В. Шейх-Ахмад... — С. 34.

⁷⁵Гайворонский О. Повелители двух материков... — С. 94–98; Трепавлов В. В. История Ногайской Орды... — С. 130; Почекаев Р. Ю. Цари ордынские... — С. 279–280; Варонін В. А. З гісторії узаемаадносін... — С. 133–137; Gonta A. I. Romanii si Hoarda de Aur... — Р. 194; Pulaski K. Stosunki z Mengli-Girajem... — Р. 80–82; Koneczny F. Sprawy z Mengli — Girejem... — Z. 12. — Р. 329–330, 333–342; Зайцев И. Л. Между Москвой и Стамбулом... — С. 63–65; Borzemski A. Kronika Miechowity... — Р. 90–93; Довнар-Запольский М. Литовские упоминки татарским ордам... — С. 8–11.

⁷⁶Пенской В. В. Поход Дмитрия Жилки и первая осада Смоленска русскими в 1502 году // Война и оружие: Новые исследования и материалы. Вторая международная научно-практическая конференция 18–20 мая 2011 года. — СПб., 2011. — Ч. II. — С. 211–212.

⁷⁷Ср: ПСРЛ. — Л., 1982. — Т. 37. — С. 173; ПСРЛ. — М., 2000. — Т. 6. — Вып. 2. — С. 368; ПСРЛ. — М., 2000. — Т. 24. — С. 214.

⁷⁸Памятники дипломатических сношений... — № 84. — С. 425.

⁷⁹ПСРЛ. — М., 2000. — Т. 6. — Вып. 2. — С. 368.

⁸⁰Памятники дипломатических сношений... — № 84. — С. 422–426.

⁸¹Там же. — № 85. — С. 430.

⁸²Пенской В. В. Военный потенциал Крымского ханства в начале XVII в. // Восток. — 2010. — № 2. — С. 56–66; Моисеев М. В. Степ-

ные войны от Угры до ногайского погрома Крыма (1480–1522 гг.) [Электронный ресурс] // История военного дела: исследования и источники. — 2015. — Специальный выпуск V. Стояние на реке Угре 1480. — 2015. — Ч. I. — С. 151–186 <http://www.milhist.info/2015/11/23/moiseev_1> (23.11.2015).

⁸³ Моисеев М. В. Степные войны... — С. 155–162.

⁸⁴ Там же. — С. 162.

⁸⁵ Пилипчук Я. В. Татарская политика... — С. 316.

⁸⁶ Памятники дипломатических сношений... — № 89. — С. 470.

⁸⁷ Там же. — С. 466.

⁸⁸ Пенской В. В. Поход Дмитрия Жилки... — С. 211–212.

⁸⁹ ПСРЛ. — М., 2000. — Т. 24 — С. 2014–215.

⁹⁰ ПСРЛ. — СПб., 1907 — Т. 17. — Стб. 540.

⁹¹ Borzemski A. Kronika Miechowity... — Р. 88–89; Kronika polska Marcina Kromera... — Р. 1356; Гваньїні Олександр. Хроніка Європейської Сарматії... — С. 355; *Scriptores Rerum Polonicarum*. — Cracoviae, 1874. — Р. 50, 275.

⁹² Хорошкевич А. Л. Русь и Крым... — С. 161–162; Pulaski K. Stosunki z Mengli-Girajem... — Р. 81; Jusiak P. Najazdy tatarskie... — Р. 65.

⁹³ Хорошкевич А. Л. Русь и Крым... — С. 160–161; Collins L. On the Alleged Destruction of Golden Horde in 1502 ... — Р. 361–399.

⁹⁴ Акты, относящиеся к истории западной России... — № 28, 30. — С. 34–36.

⁹⁵ ПСРЛ. — М., 2003. — Т. 40. — С. 142–144.

⁹⁶ ПСРЛ. — М., 1975. — Т. 32. — С. 169; Pulaski K. Stosunki z Mengli-Girajem... — Р. 82–83.

⁹⁷ Памятники дипломатических сношений... — № 90. — С. 472–478.

⁹⁸ ПСРЛ. — М., 2003. — Т. 40. — С. 142–144; ПСРЛ. — М., 1975. — Т. 32. — С. 101, 170; Kronika Polska Marcina Bielskigo... — Р. 919; Литвин Михалон. О нравах татар, литовцев и москвитян. — М., 1994. — С. 67; Стрийковський Мацей. Літопис польський... — С. 832–833; Гваньїні Олександр. Хроніка Європейської Сарматії... — С. 355.

⁹⁹ Pulaski K. Stosunki z Mengli-Girajem... — Р. 82–83.

¹⁰⁰ Памятники дипломатических сношений... — № 90. — С. 497.

¹⁰¹ Довнар-Запольский М. Литовские упоминки татарским ордам... — С. 11–12.

¹⁰² *Kronika Polska Marcina Bielskiego...* — Р. 925–926; *Kronika polska Marcina Kromera...* — Р. 1372–1376; Гваньїні Олександр. *Хроніка Європейської Сарматії...* — С. 354–357; Софонович Ф. *Хроніка з літописців стародавніх.* — Киев, 1992. — С. 185; ПСРЛ. — М., 2003. — Т. 40. — С. 143; Borzemski A. *Kronika Miechowity...* — Р. 98–99; *Scriptores Regum Polonicarum...* — Р. 62–68, 281–282; Стрийковський Мацей. *Літопис польський...* — С. 845–853.

¹⁰³ Стрийковський Мацей. *Літопис польський...* — С. 849–853; Гваньїні Олександр. *Хроніка Європейської Сарматії...* — С. 355–357; *Kronika Polska Marcina Bielskiego...* — Р. 930–932, 940–941, 949–950.

¹⁰⁴ ПСРЛ. — М., 2003. — Т. 40. — С. 144; Софонович Ф. *Хроніка з літописців стародавніх...* — С. 185–186, 215.

¹⁰⁵ ПСРЛ. — М., 1980. — Т. 35. — С. 167, 192, 213, 234; ПСРЛ. — М., 1975. — Т. 32. — С. 103, 172.

¹⁰⁶ Хорошкевич А. Л. *Русь и Крым...* — С. 166.

¹⁰⁷ Зайцев И. В. *Астраханское ханство...* — С. 108–113; Зайцев И. В. *Между Москвой и Стамбулом...* — С. 108–113.

¹⁰⁸ Kolodziejczyk D. *The Crimean khanate and Poland-Lithuania...* — Р. 30; Pulaski K. *Stosunki z Mengli-Girajem...* — Р. 92–93; Jusiak P. *Najazdy tatarskie...* — Р. 66; Borzemski A. *Kronika Miechowity...* — Р. 98–101.

¹⁰⁹ Pulaski K. *Stosunki z Mengli-Girajem...* — Р. 287–295.

¹¹⁰ Блез де Виженер. *Описание Польского Королевства // Мемуары относящиеся к истории Южной Руси.* — Киев, 1890. — Вып. 1 (XVI в.). — С. 67; Челеби Эвлия. *Книга путешествия.* — М., 1961. — Вып. № 1. — С. 81–82; Вирський Д. *Українські землі за описом Полонії Шимона Старовольського // Історично-географічні дослідження в Україні.* — Киев, 2007. — Вип. № 10. — С. 54–55; Вирський Д. *Поділля в С. Сарницького Описі Давньої та Нової Польщі // Наукові записки. Збірник праць молодих вчених та аспірантів.* — Киев, 2009. — Т. 17. — С. 20–35; Вирський Д. *Українське Подніпров'є в С. Сарницького Описі Давньої та Нової Польщі // Історично-географічні дослідження в Україні.* — Киев, 2009. — Вип. 11. — С. 19–35; Герберштейн Сигизмунд. *Записки о Московии...* — С. 185–186, 188–189; Шершеневич И. Г. *Описание Крыма (Tartariae Descriptio) Мартина Броневского // Записки Одесского Общества истории и древностей.* — Одесса, 1867. — Т. 6. — С. 333–337.